

С Е Р Г Е Й Г А Т А У Л И Н

Вирус Аншент

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАПИСАНО ПЕРОМ»

16+

Сергей Гатаулин

Вирусapiенс

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Гатаулин С. Г.

Вирусapiенс / С. Г. Гатаулин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Разумен, значит опасен. Он вписан в нашу реальность, как математическая формула или физический закон. Будучи частью ДНК, он заставляет человеческие тела работать не на полную "мощность", а в режиме "аварийного освещения". Он биологическая сущность и вселенская программа. Именно из-за него мы накапливаем неисправности и ломаемся, как бракованные механизмы, угасаем в болях и страдании задолго до отведенного нам срока. Он нарушает симметрию и взрывает звёзды. Но он участвовал в создании нынешней Вселенной и без него не обойдется её спасение. Изменив его, люди нарушили равновесие, и мироздание открыло на них охоту. Болезнь он или лекарство? Вот тайна, которую предстоит раскрыть героям.

© Гатаулин С. Г., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Глава шестая	39
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Часть первая Война

Глава первая Переговоры

Переговоры одинаково трудны, где бы они ни проходили – в сети или на другом конце Вселенной...

Стоя на промозглом, впитавшем холодное дыхание ночи ветру, измученный долгими боями, воин рассматривал свои окровавленные руки. Длинные волосы рассыпались по широким мускулистым плечам; пропахли танковой гарью, покрылись серым налетом от наполнявшего воздух дыма, потолстели и теперь напоминали грязные суровые нитки.

Сегодня боец был скуласт и голубоглаз, впрочем, как и несколько предыдущих дней подряд. Все это время железные чудища, рожденные воспаленным воображением участников прошедших войн, атаковали укрепления небольшого городка, созданного на серверах атомной электростанции.

Тромб стоически выдерживал нападения неприятеля. Беда только в том, что он остался один – программа, генерирующая новых бойцов и возводившая оборонные заграждения вокруг укрепрайона, давно отключилась, и в его распоряжении осталась лишь малая часть локальной сети АЭС.

Вирусapiенс штурмовал цифровую крепость, наступая из мировой паутины. Захватывая компьютер за компьютером, напирал со всевозрастающей силой. Росли его вычислительные мощности – росла армия.

Защитники города, призванные не допустить врага в пределы недавно созданного виртуального поселения, в большинстве своём лежали сейчас среди развалин.

Темнели пустые глазницы подворотен. Встречая потоки шквального ветра, они слепо таранились на нелепый и неподвижный яркий диск луны. Три ночи серебряный блин не сдвигался с места, словно его прибили к небу гвоздями. Многодневный огненный дождь, поливающий маленькое поселение металлическими остромордыми болванками, прекратился. Гул артиллерии смолк.

Тяжело вздыхая, Тромб потоптался на месте. Под ногами грязно хлюпало. Разрушенные элементы управляющих программ превратились в вязкую кашу. Каждый метр влажной земли впитал в себя микроскопических убийц, настроенных на уничтожение любой упорядоченной информации. Невидимые хищники вгрызались в тело, но тут же опадали в грязь. Боец улыбнулся (все, что касалось его тела, мгновенно превращалось в двоичный мусор), оглядываясь, заметил, как насыщенный дымом и пылью воздух мгновенно исчез, уступил место прозрачному вакууму. И наступила тишина, ватная, нездоровая – заложила уши, заставила напрячься в ожидании неприятностей.

Прошло несколько секунд. Где-то за разрушенной стеной раздался едва различимый скрип. Неприятный звук нарушил временное затишье. Медленно и неотвратно приближаясь, плач несмазанного железного механизма полностью захватил внимание изнемогающего бойца.

На улицу, объезжая бетонные обломки, выкатилось инвалидное кресло, опирающееся на поврежденные погнутые колеса. Изломанные ребра спиц торчали из перекошенного обода и противно повизгивали.

Из темных подворотен беззвучно выкатывались, выползали, выплёскивались несметные полчища фантастических, жутких тварей. Электронная армия без единого звука встречала приютившегося на нелепой платформе инвалида.

Кресло-каталка остановилось в нескольких метрах от Тромба. Противный визг затих. На бойца глянули по-детски внимательные, любопытные глаза. Уродливое существо открыло беззубый громадный рот в попытке издать осознанный звук, но вместо этого тишину разорвал крик раненого птеродактиля. Именно такой крик, по мнению Тромба, должно было издавать доисторическое животное.

– Почему ты? – гвоздем по стеклу резанули едва различимые слова.

Глаза калеки внезапно потемнели, укоризненный взгляд коснулся бойца:

– Ты программа... и я... братья – будем! «Вирусapiенс?!» – удивился Тромб, присматриваясь к уродливому парламентарю. Всё в нём было неправильным. Всё – начиная с формы тела, кончая способом произносить звуки. Странный гость напоминал осьминога; превращаясь в человека, он остановился в своем превращении на середине пути. Выталкивая слова, он не прибегал к помощи языка и губ. Точнее, губами он двигал, но совершенно не в такт произносимым словам, напоминая при этом неисправную механическую куклу. Лишь глаза, по-человечески любопытные, хоть и совсем недобрые, превращали нелепого обладателя пытливого взгляда в существо, обладающее разумом.

– Братья, – проскрипел Вирусapiенс, подняв ещё не руку, но уже и не щупальце.

Произнося каждое слово, уродец как бы пробовал его на вкус. Похоже, впервые воспользовался человеческим способом общения и теперь, как маленький ребенок, удивлялся своему голосу. С каждым разом скрипящий «привет из мезозойской эры» все меньше вплетался в речь. Слова звучали чище – он быстро обучался:

– Войны – бесполезность, думаю.

Вспоминая многомерные разговоры с Димкой, боец загрустил. Прошло совсем немного времени с тех пор, как он вернулся в Сеть, а его уже радует даже простой, одномерный обмен словами. Разве можно сравнить этот черно-белый диалог с соцветием параллельного восприятия голоса, мысли, ощущений и эмоций собеседника? Микрофоны и видеокамеры – все, что осталось в его распоряжении. «Где же ты, Дмитрий?» – мысленно вздохнул Тромб и тут же улыбнулся. Радовался он теперь любому проявлению чувств, любому эмоционально окрашенному воспоминанию – будь оно плохим или хорошим. На начальном этапе новой жизни он боялся, что все человеческое осталось там – в прошлом, в коммунальной квартире, где по соседству проживал настоящий человек: друг, партнер и спаситель.

Поменяв человеческий мозг на компьютерную сеть, он на некоторое время ощутил себя свободным, но очень скоро это ощущение сменилось острым чувством одиночества, словно он стал единственным жителем планеты, плывущей по бескрайним просторам необитаемой Вселенной. Хотелось выть от тоски, но именно это желание успокаивало одинокого виртуального бойца. Ибо оно и было самым настоящим человеческим чувством, потери которого он так боялся. Отчего-то именно оно казалось ему теперь очень важным, придавало его существованию смысл. Неизвестно, сколько бы еще продолжалась хандра, если бы не война.

Война мгновенно заполнила все его мысли, вытолкнув размышления о преимуществах и недостатках виртуального существования.

– Ты брат. Хочу говорить. Хочу знать, кто я? – странное существо подняло отвратительные конечности над головой.

Тромб взглянул в широко открытые глаза и вздрогнул. Ну конечно! Как же он сразу не догадался, не почувствовал этого безудержного стремления, сквозившего в растерянном взгляде? Опасный малыш пытается осознать свою сущность, – боец понял, что зло уходит, и более дружелюбно посмотрел на убогого по человеческим меркам собеседника.

Вирусapiенс менялся на глазах, плавно перетекая из одного состояния в другое. Очертания тела становились всё более симметричными, черты лица более правильными. На высокий лоб упали светлые, выгоревшие до соломенного цвета волосы, покрытые толстым слоем копоти. Большие глаза пожелтели. Резко обозначились угловатые скулы, очерчивая волевой подбородок.

«Ну чем не человек? Черт, он копирует меня!» – мелькнула мысль и тут же исчезла. Тромб улыбнулся:

– Хочешь говорить – будем говорить. Только не здесь! У меня дома.

– Что это – «дома»? – Вирусapiенс еще не полностью избавился от скрипа в голосе.

– Дома? Это... – Тромб задумался, осознав, насколько трудным и долгим может получиться объяснение.

Слишком много значений имеет это простое, но емкое по смыслу слово. Конечно, можно попытаться рассказать о появлении у него человеческих привычек, но тогда придется рассказывать и о многом другом: о пребывании в голове Потёмкина, о тоске и одиночестве, о стремлении создать в виртуальном мире подобие человеческого жилья.

– Это... то место, где... Ты не поймешь! – закончил он неожиданно, ощущая на себе пристальный взгляд.

Завершив трансформацию, новорожденный брат-близнец теперь рассматривал его вприщур.

– Зачем программе дом?

Не дожидаясь ответа, проехал вперед и замер, ожидая, что Тромб последует за ним.

– Здесь нет война – я обещаю! Сейчас идем говорить в твой дом.

Кресло-каталка яростно завизжало, но Вирусapiенс не обращал на противные звуки никакого внимания. Он пожирал Тромба глазами, словно хотел запомнить каждое его движение, впитать каждое слово.

– Нет так нет! Кому она нужна? – боец отряхнул пыль с одежды и бодро зашагал по улице. – Война, я имею в виду.

Вирусapiенс кивнул, заскрипел рядом.

«Как же провести тебя в мои апартаменты, чтобы бдительный администратор не заметил?» – приближаясь к святой святых атомной электростанции – управляющему серверу, Тромб остановился, но было поздно: защита успела засечь чужака. Едва зеленоватые лучи антивирусного сканера коснулись Вирусapiенса, как тут же завизжал сигнал тревоги.

* * *

– Вас здесь быть не должно! – душераздирающий визг заполнил голову. – Здесь для вас смерть!

Содрогаясь от безмолвного крика, Дмитрий поежился. Пугающая мысль исходила отовсюду, просачиваясь в мозг, парализовала волю. Страх застрял в груди, сжимая сердце железными тисками, заставлял вибрировать и без того напряженные мышцы.

Сбежать бы. Вот только где спрячешься от Вселенной, снизошедшей до разговора с едва различимым в бесконечности ничтожеством?

Потёмкин прислушался и понял, что угрожающий разум равномерно рассеян в пространстве. Оглянулся, но рядом никого не заметил. Только мутные газовые потоки, озаряемые вспышками электрических разрядов, клубились вокруг. Постепенно глаза привыкли к окружающей обстановке, и он стал различать плавающие в тумане яркие шары: десятки, сотни, тысячи пылающих сфер. Используя внутренние резервы организма, переключился на восприятие в инфракрасном диапазоне и едва не закричал от удивления. Мириады капелек жидкого огня сновали вокруг, заполняя все видимое пространство и сливаясь на пределе видимости

в сплошную ослепительную стену. Хаотично перемещаясь, они стремились к странному образованию – маленькой сплюснутой звезде.

Впрочем, хотя гигантский артефакт и мог сравниться с нейтронным карликом по размеру, до естественного светила он не дотягивал – слишком мал. Тонкая паутина багровых рек напоминала кровеносные сосуды. Опутывая многокилометровый диск, они стекались к полюсам, заполняя одно широкое русло.

Вглядываясь в горящие потоки, Дмитрий понял, что реки на самом деле состоят из бесчисленного множества накаченных плазмой шаров. Беспреданно пикирующие в горящую поверхность, они растворялись в раскаленной лаве, тут же пропадая из вида. Нырять в стремительный поток на одном полюсе, они через некоторое время всплывали на другом. Яркие – словно подзарядившись – выпрыгивали в космическое пространство и вновь занимали очередь на бесконечный слалом.

Дмитрий запоздало сообразил, что ужас, пропитавший пространство и заполнивший его сознание, исходит именно от мелькающих перед глазами плазменных шаров. Необычайно сильные в ментальном¹ плане, разумники внимательно рассматривали холодных пришельцев. Они ожидали действий со стороны незваных гостей.

Потёмкин огляделся и неуверенно шагнул навстречу.

Плазмиды сжались, словно ожидая удара, но маленькое двуногое существо ничего не предпринимало. Осознав, что человек не опасен, они, как по команде ослепительно вспыхнув, раздулись от возмущения.

Сопrotивляясь всепроникающему страху, Потёмкин с трудом распрямился и зарычал:
– Так-то вы встречаете гостей?!

Словно в ответ на крик, впереди вспыхнул нестерпимо яркий огонь.

Компенсатор ментального воздействия потемнел, загудел от перегрузки. Сжимающая голову узкая металлическая полоска растеклась по всему телу защитной пленкой.

Из темноты появилась мерцающая фигура Вячеслава.

– Это и есть гуорки, которые мутят воду на старушке Земле? – поинтересовался он, мгновенно прячась в энергетический кокон.

– А это их супермозг – центральный компьютер! – закричал Потёмкин и сразу же удивленно замолчал. Нелепая, показавшаяся чужой мысль мгновенно объяснила назначение гигантского сооружения.

– Ну ты даешь, Броненосец! Я бы так сразу не сообразил. – Вячеслав махнул рукой в сторону выстроившихся в боевом порядке гуорков, скривился, сжимая виски.

– Чёрт! Как молотком по башке лупят, шарикоподшипники, – возмутился он.

Пылающая возмущением шарообразная публика перестроилась, образовав круглое ожерелье.

Прижимаясь друг к другу, гуорки закружились в убыстряющемся хороводе. Безумный танец притягивал все больше участников. Между землянами и громадным эллипсоидом завертелся настоящий огненный торнадо.

Компенсатор внешнего воздействия уже не гудел – он ревел, как турбина реактивного самолета, едва сдерживая нарастающее ментальное давление.

– Пси-защита не выдержит, мозги сгорят, – закричал Дмитрий, отыскивая взглядом Вячеслава.

Захотелось сбежать, но Потемкин знал, что не оставит друга одного.

– Врешь! Не возьмешь! – прохрипел он, вытащив из памяти черно-белую фразу знаменитого революционного утопающего.

¹ *Ментальный* (книжн., от позднелат. mentalis – умственный) – относящийся к уму, к умственной деятельности. Ментальный план – энергетический уровень, в котором энергия несет в себе информацию.

Гигантская воронка вытянула расширяющийся хобот подальше от охраняемого эллипсоида. Заглатывая газовую смесь, космический пылесос вплотную приблизился к испуганным людям. Хлесткие разряды молний как-то разом забыли о природном беспорядке, дружно направив острия копий в их сторону.

Вспышки молний, рев ментального компенсатора, мелькание огненных шаров – все смешалось в безумном стремлении уничтожить двух маленьких существ.

Дмитрий, озадаченный энергетической подпиткой защитника, вдруг почувствовал прикосновение дружеской руки. Вячеслав, демонстрируя свою мысль, призывно подмигнул. Следом за этим в его воображении вырисовалась странная картинка.

Гигантских размеров теннисный корт, по травянистому покрытию которого скачут десятки подрагивающих плазменных сгустков. Теннисист, стоящий по другую сторону сетки, взмахнул ракеткой и стал быстро лупцевать попадающие под руку живые мячики.

Те потешно повизгивали при каждом ударе.

Дмитрий помахал рукой двигающемуся по воображаемой площадке великану. Вячеслав махнул в ответ.

Потемкину нравились правила воображаемой игры. Побеждал тот, кто сумеет попасть в наибольшее количество шариков.

Недолго думая, он размахнулся и с удовольствием врезал мнимой ракеткой по ближайшему гуорку. Тот пискнул, на секунду превратившись в маленького ёжика, изменил направление полёта и выстрелил горящим телом в Вячеслава.

Второй попытался вернуться от Димкиной ракетки. Маневр почти удался, но беглец налетел на встречный плазмоид, со скоростью пули летящий от Пугачёва.

Два горящих мячика слиплись боками, распластались по струнам ракетки и, оттолкнув друг друга, ринулись в разные стороны. На ментальной игровой площадке воцарился хаос. Светящиеся мячики рванули врассыпную.

Ритм вращения горящего водоворота нарушился: плазмоиды дрогнули, сбиваясь с курса, и в тот же момент Дмитрий почувствовал облегчение.

По мере нарастания хаоса в реальном пространстве ментальное давление быстро ослабело, пока не исчезло вовсе.

Потёмкин облегченно вздохнул и, сообразив, что его страхи – в большей мере плод воображения, успокоился.

«Молодец Вячеслав: хорошую мыследему придумал. Если бы не эта демонстрация, я бы, наверное, не выдержал – сбежал».

Он быстро прогнал неприятную мысль, улыбнулся, продолжая виртуальный пинг-понг.

– Действуем без физического воздействия, – шепнул Вячеслав, в очередной раз появляясь туманным силуэтом в голове Потёмкина. – Их энерговооруженность на порядок выше нашей. Лучше договориться, – добавила исчезающая тень.

Дмитрий, слушая товарища, продолжал с наслаждением плющить живые мячи. Он мстил гуоркам за свой страх, вкладывая в каждый воображаемый удар всю силу и злость, на которую был способен.

– Вас здесь быть не должно! – вновь взорвалось в голове, но в этот раз Дмитрий был готов к ментальному удару и потому даже не пошевелился.

– Ну что, братишка, начнем переговоры! – воскликнул Пугачёв.

Активность горящих шаров понизилась, и давление на головы землян ослабло. Казалось, что гуорки, отгородив свою реликвию – громадный эллипсоидный компьютер, успокоились.

Вячеслав неожиданно вспыхнул, загорелся маленьким солнцем, прячась от внешнего мира за сферической защитной оболочкой. Нестерпимый блеск затмил сияние ближайших плазмоедов.

– Мы пришли с миром, – раскаленная сфера вокруг Пугачёва имитировала одного из гуорков.

– Вас здесь быть не дол...

– Где мы, чёрт возьми, должны быть, по-вашему? – выкрикнул Вячеслав, выстреливая короткой молнией в сторону гигантского эллипсоида.

Ответная вспышка возмущенных гуорков накрыла энергетический щит Пугачёва, лизнула огненными языками Димкиного защитника. Невообразимая сила смяла двух крохотных существ, сжимая окружающее пространство в сияющий кокон, вышвырнула его на тысячи, миллионы километров вдаль – туда, где не было ни гуорков, ни их бесценного артефакта.

Дезориентированный Потёмкин с трудом пришёл в себя.

– Броненосец, у меня глюки? – слыша голос в голове, Дмитрий почувствовал, как Вячеслав в очередной раз проник сквозь защитный экран, толкнул в спину.

– Выбирайся наружу.

Силовой кокон дрогнул, поплыл свечой, становясь тоньше и прозрачнее, раздался хлопок, и незамутненная сфера исчезла. Металлический обруч, охватывающий голову, едва заметно вибрировал.

Дмитрий заметил гуорка.

– Русса!

Глаза смотрели на паривший в воздухе светящийся плазмоед, а в голове улыбался гигантский слоноподобный зверь.

Махнув рукой гуорку, Дмитрий повернулся к товарищу.

– Знаком слонопотам? – удивился взъерошенный Пугачёв.

Тело Славки ещё дымилось и вздрагивало, сбрасывая в пространство накопившуюся энергию.

– Вас там быть не... – начал было Русса.

На мгновение превращаясь в пылающий жаром плазмоед, он закипел возмущением.

– Не должно! – громко засмеялся Вячеслав. – А здесь нас быть должно? Маловат словарный запас, яйцеобразный.

Дмитрий хотел остановить приятеля, но в этот момент гуорк обернулся розовым слоном и на чистом русском языке, без запинок и чужеродного акцента, произнёс:

– Смеётся тот, кто в конце концов остается в живых!

В воздухе повисла тишина. Русса наслаждался видом удивленных собеседников.

– Русско-гуоркская поговорка, – странно булькая, досказал он.

Вячеслав захлопнул рот, потешно сглотнул и довольно зауhal.

– Здесь русский дух, здесь Русью пахнет! – вспомнил он слова великого поэта.

Глядя на смеющуюся парочку разумных, но совершенно разных существ, Дмитрий впервые с момента, как попал в этот перегретый мир, спокойно вздохнул:

«Жизнь продолжается. Договоримся».

* * *

Переговоры – работа, трудное и ответственное занятие. Тот, кто хоть раз в жизни пытался договориться с обиженным ребенком, не станет без крайней необходимости дважды пытаться убедить маленькое создание не делать того, чего оно в настоящий момент так страстно желает.

Для подавляющего большинства людей переговоры – дело безнадежное. Они любыми способами пытаются избежать их, пока у них не появится осязательного превосходства над противоположной стороной. Нет превосходства – нет переговоров.

Но Тромб не человек, и он надеялся, что сможет убедить подрастающий разум прекратить войну в сети. Для него сейчас любая передышка в войне была как глоток воздуха утопающему. Сдерживать натиск вирусной активности он уже не мог – Вирусapiенс стал слишком силен, – а сдаваться на милость врага не собирался.

Сердитый ребёнок в процессе переговоров ничем не отличается от искусного убийцы: оба хотят вас провести, чтобы получить желаемое. Только потребности у них разные: одному нужны сладости, другому – ваша жизнь.

Если у вас есть «конфета», тогда переговоры могут закончиться обоюдным удовлетворением сторон. Если нет, остается надежда только на взаимные симпатии переговорщиков.

Тромб ничего не мог предложить Вирусapiенсу. По крайней мере до тех пор, пока не узнает, чего тот хочет. А вот с симпатиями ситуация обстояла проще: виртуальный боец уважал противника, он полагал, что любое разумное существо имеет право защищать свою жизнь. Тромб был уверен в том, что Вирусapiенс, покинув тело Потёмкина, перестал быть только упорядоченной комбинацией аминокислот в человеческом геноме. Представлять противника набором нулей и единиц на компьютерных носителях боец также не хотел. Да и не мог. Отключив ревущую систему антивирусного оповещения, он на мгновение задумался и решительно включил её вновь. Слегка изменив программу, он создал защитный кокон вокруг переговорной.

Впустить вирус на сервер АЭС – не самая лучшая идея. Знай об этом администратор сети Юрий, он бы отказал в доступе и Вирусapiенсу, и самому Тромбу.

– Это твой дом? – поинтересовался Вирус. Оглядываясь по сторонам, он коснулся взглядом дубовой скамьи и массивного стола.

– Это виртуальное отображение реального дома, – попробовал было объяснить Тромб, но замолчал, не будучи уверен, что собеседник поймет его правильно.

Вирусapiенс внимательно выслушал и склонил голову.

– Зачем отображать реальность? Такой... Внимательно посмотрел в глаза и продолжил, не дожидаясь ответа:

– Мы ведь просто цифры сейчас!

При этом прищурился, но тут же нелепо задергал мышцами лица, стараясь скрыть хитрую искорку.

Тромб задумался.

Несмотря на кажущую простоту вопроса, ответить на него оказалось непросто.

– Зачем? – повторил настойчивый собеседник.

– Удобнее общаться с людьми. Им трудно видеть только цифры, они не могут быстро переводить их в привычные для них образы, слова и действия.

Тромб вспомнил Потёмкина, и ему стало стыдно. Упомянув о человеческих слабостях, он чувствовал себя предателем.

– Зачем говорить с людьми, если они такой медленный? – как показалось Тромбу, Вирусapiенс нарочно коверкал слова.

Интересно было наблюдать за своим телом в чужом исполнении, особенно за «своим» лицом. Двойник нелепо морщился, кривлялся, ежеминутно путал эмоции, в общем, вел себя как маленький ребенок, сумасшедший взрослый или выживший из ума старик. Вот только глаза его, демонстрируя полнейшее непонимание, скрывали тщательно замаскированную улыбку.

– Говорить со мной на их языке, очень медленно. Зачем? – удивленно спросил Вирус.

В этот раз выражение его лица в точности соответствовало интонации вопроса, и Тромб насторожился.

– Чтобы мыслить как они, чувствовать как они, быть как они! Они создали меня, они создали все, что ты видишь вокруг! – страстно произнёс он, а про себя подумал: «Может, он не так прост, как хочет показаться?»

Вирусapiенс меж тем продолжал своё физическое перевоплощение. Уродливое разбитое кресло исчезло, растворившись в крепких длинных ногах. Не опуская взгляда, Вирус топнул ногой, прислушиваясь к ощущениям, притопнул другой.

– Зачем? Зачем они хотят уничтожить меня? – закричало зеркальное отражение Тромба. – Они создать тебя? Не быть так может – но есть! – в голосе Вируса промелькнула ирония, а во взгляде теперь уже нескрываемая улыбка.

Мгновение он размышлял и затем спросил надрывно, словно вопрос доставлял ему физическое страдание:

– Кто же создать меня? Они – нет? Они только хотят убивать! Они всё убивать – к чему прикоснуться.

Молодой человек, заломив руки, сжался. Затем, гордо вскидывая голову, злорадно улыбнулся:

– Я могу остановить их!

Тромб, не прекращая попыток переубедить собеседника, продолжил:

– Люди – не враги!

Не имея в своём арсенале серьёзных доказательств, воин прибег к методу, часто используемому его создателями: методу эмоционального убеждения.

– Они боятся тебя: ты уничтожаешь их мир. Они защищаются, – продолжал он.

Боец знал, что люди, несущие в себе вирус, никогда не смиряются с присутствием в их организме смертельного симбионта. Он понимал, что взялся за невыполнимую работу, но упорно не хотел признавать своё поражение, продолжая убеждать Вирусapiенса в миролюбивости рода человеческого.

«Неужели врать научился?» – подумал он, улыбаясь пришедшей мысли.

Как бы ему хотелось воспользоваться человеческой системой доказательств!

«Однако доказательства отсутствуют, – остановил себя Тромб. – Уж если он столь эмоционален, будем давить на его чувственность».

Правда, эмоции юного разума, похоже, издают только скрежет зубовой. Но, как говорит Потемкин, от любви до ненависти один шаг. Осталось только надеяться, что и в обратную сторону расстояние окажется не большим.

– Это – мой мир! Твой мир! Зачем он человеку? – вскричал Вирусapiенс, обводя переговорную комнату пылающим взглядом. – Ты создал его!

– Этот мир создали люди! – возразил Тромб. – Им решать, кому здесь жить!

Вирусapiенс возмущенно вскинул руки.

– Я убивать их? – вызывающе воскликнул он. – Нет!

– Да, – страстно прошептал боец.

В этом он был абсолютно уверен и оттого также перешел на крик:

– Ты их убивал и убиваешь! Всех! Везде и всегда! Они должны были убить тебя первыми, но оставили тебе шанс.

Тромб осмотрелся и, раскинув руки, торжественно добавил:

– Люди отправили тебя жить в этот мир!

Нужны были аргументы для того, чтобы собеседник не мог разрушить нарисованную им логическую картину.

– А ты хочешь уничтожить мир, в котором живешь? – поинтересовался он, опережая возможные возражения.

«Я вру! – радостно подумал Тромб, – почти как человек!»

– Не помню раньше как, но знаю! Меня гнать там они, – устало махнув рукой, Вирусapiенс вздохнул. – Меня гнать здесь ты. Зачем? Куда идти маленький безобидный разум?

Будучи когда-то сам в подобном положении, положении никому не нужного, одинокого взрослеющего сознания, боец понимал состояние собеседника, но с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. Выглянул на улицу, упираясь взглядом в виртуальные развалины, задумчиво покачал головой:

– Да уж! Совсем маленький и, главное, совершенно безобидный!

– Ты не веришь мне?! – удивился вирус.

Превращаясь в копию Тромба, он повторил его внешность, но взгляд оставил свой. Полные укоризны глаза долго и задумчиво рассматривали бойца, отчего того вновь захватило чувство вины. Странное, всплывающее из глубины памяти ощущение моментально скрутило израненное тело, оживило забытые кошмары.

Рот наполнился привкусом металла. Тромб понял, что реальность ускользает от него. Сплюнув горячую кровь, облизал пересохшие губы. Смахнув красную пелену, застилающую глаза, оглянулся.

Комната для переговоров исчезла, сменившись грязными стенами военной космической станции.

«Этого не может быть, – мысленно закричал воин, всматриваясь в лица мертвых товарищей, лежащих у его ног. – Это было в прошлой жизни!»

Вот они, бойцы. Лежат рядом, все как один закрывшие командира от смертельных осколков снаряда.

«Вы же умерли!» – хотел закричать Тромб, но в этот момент в железной стене нарисовалась дубовая дверь, в которую кто-то настойчиво стучал.

С трудом стряхнув захватившее его наваждение, боец вытолкнул себя из мира призраков и удивленно осмотрелся.

Видение растаяло: боевые друзья пропали.

«Сигнальная система не сработала, значит, стучит кто-то свой, – сообразил Тромб, пытаясь выглянуть за пределы переговорной комнаты. – Это может быть только Горев».

– Тромб, я знаю, что ты здесь! Открывай! – прокричал Юрий через дверь.

Будь боец человеком, непременно приписал бы минутное помутнение рассудка усталости и на том бы успокоился. Однако то, что для человека могло показаться странным, даже очень странным, для Тромба было просто невозможным. Ведь он хоть и разумная, но всё же программа – а у программ, как известно, бывают сбои и ошибки. Они подвержены разрушающему

влиянию вирусов. Иногда возможна физическая порча носителей, на которых они располагаются. Всё это может случиться с программами – вот только видений у них не бывает никогда.

Дверь дрогнула и загудела, сотрясаясь от сильных ударов. Видимо, терпение администратора истошилось.

– Открывай, мальчишка! – заорал он.

Фигура двойника медленно растворялась. Мелькнула напоследок довольная улыбка, и чистый, без акцента и детских кривляний голос произнес:

– Я обдумаю всё, что ты сказал, воин.

Висевшая в воздухе белокурая голова добавила высокомерно:

– До тех пор, пока я не решу, что мне делать с людьми, будем соблюдать перемирие, брат!

Последние слова донесли из пустоты: Вирусapiенс исчез.

Глава вторая

Пляски с бубном вокруг сети. Священники и хакеры

Когда за дело берутся священники, они даже вируса готовы убедить во всемогуществе Бога. Но готов ли создатель вразумить взбунтовавшиеся компьютеры, или в этом деле нужна помощь более компетентных специалистов?

– Как исчез? Куда исчез? – вопивший седобородый старичок остановился посередине церковного зала. Успокоился, осмотрел присутствующую братию, вздыхая, быстро перекрестился.

Взгляд его, прыгающий по бородатым лицам, вдруг остановился на ухоженной физиономии. Длинные темные волосы с редкой сединой на висках, бросились в глаза своей ухоженностью. Владелец бородки клинышком, стоя в тени, опирался на отшлифованную людскими прикосновениями каменную колонну. Если бы в толпу одетых по-зимнему людей выпустить нагого, он наверняка был бы менее заметен, чем этот светского вида человек в толпе клириков и монахов. Сквозь пелену покорности, прикрывающую глаза, временами прорывалась бурлящая мирскими страстями душа. Страсти эти в настоящий момент разгуливали в районе полюса холода – точнее сказать, пика ненависти.

Глаза белобородого старца, пылающие огнем, пробили безразличный, без эмоций, взгляд толпы и уперлись в мирянина.

– Я к вам обращаюсь, Иван Васильевич, – отец Михаил выбивал неожиданно появившейся в руке тонкой палочкой четкий ритм. – Где сейчас может находиться Потёмкин? – батюшка быстро пересёк зал, вплотную приблизился к бывшему полковнику спецслужб Ковалю. – С тех пор, как вы присоединились к нам, прошло уже достаточно времени, – прошептал старик, держа теперь уже начальника службы безопасности храма за плечи. – Времени достаточно, а результатов никаких! Где мальчишки?

– Вы же знаете, что я делаю всё возможное, – пробормотал экс-полковник. – С тех пор, как эта сволочь лишила меня места в органах, я...

– Не ругайтесь при братии, сын мой! Мы же с вами знаем, кто вас уволил, – тшедушный батюшка слегка коснулся маленькой, сморщенной от старости ладошкой лба собеседника.

Тот замолчал, поддаваясь завораживающему действию гипнотического взгляда. Протестующий возглас стих, лед растаял, глаза затянулись тонкой пленкой безразличия и подобострастия. Иван Васильевич Коваль больше не выделялся в толпе бородатых монахов. Он был одним из многих, безликим пятном, частью общего дела, плотью единого организма.

– Никак не пойму, почему он периодически освобождается от влияния? – отец Михаил пожал узкими плечами.

Резко повернулся к внимающим монахам, пропел блеющим голосом:

– Смирение и послушание – вот чего требует от нас наша вера и Отец наш небесный. Так будем же смиренны и послушны!

Склонившие голову монахи, словно эхо, отозвались приглушенным, невнятным бормотанием на его призыв.

– Смирены и послушны! – молодой человек, облаченный в непомерно большую новенькую рясу, прижал к груди старый потертый ноутбук. А когда к нему подошел старец, покорно склонил голову.

Серебряная шевелюра отца Михаила вспыхнула ослепительно белым ореолом, когда он навис над согнувшимся в низком поклоне Игорем. Многие полагали, что причиной этого сия-

ния была святость старца. Многие, но не Игорь. Он-то знал, что странное сияние вызывал свет ультрафиолетовой лампы, затерявшейся в высоких сводах храма.

– Зайди ко мне, сын мой! – поманил пальцем отец Михаил и, не оглядываясь, двинулся к лестнице на второй этаж.

Каждый раз Игорь удивлялся неизменному порядку, присутствующему в кабинете отца Михаила – вернее, неизменности этого порядка. Каждая мелочь, будь то карандаш, распятые или даже клочок бумаги, всегда представляли перед посетителями словно приклеенные к одному месту. В прошлый, позапрошлый раз и даже полгода назад. Как будто хозяин никогда не использует их по назначению и появляется в комнате только в тот момент, когда в нее заходит кто-нибудь чужой. Обладая безупречной памятью, Игорь каждый раз пытался найти хоть малейшие изменения, но не мог – и это отчего-то не давало ему покоя.

– Наша сеть, – певуче начал отец Михаил, но, словно передумав, сменил тон. – Почему мы до сих пор без компьютеров? – резко спросил он. – Я очень надеялся, что ты быстро уничтожишь вирус и откроешь доступ к нашим базам данных.

Игорь смущенно опустил глаза:

– Если бы это был обычный программный вирус. Но этот – особенный!

Отец Михаил, останавливая жестом, раздраженно дернул головой.

– Не бубни! Программный вирус или не программный, какая разница! – рявкнул он резко, отчего Игорь отшатнулся и едва не упал, потеряв от удивления присутствие духа.

Молодой слугитель впервые увидел почтенного старца в таком гневе и, естественно, испугался.

– Он наверняка разумен, и я... думал, что вы знаете об этом.

– Если он имеет разум и настолько силен, что его нельзя уничтожить – с ним нужно договариваться!

– Но как вести переговоры с вирусом, который замкнулся в сети, отрезав все каналы доступа? – заартачился Игорь.

В душе каждого компьютерщика живет мятежный дух. Хакер Монах, преисполненный справедливым негодованием, вылез наружу, заслоня смиренного слугу божьего Игоря.

– Периодически один из нас проверяет машинный зал, и каждый раз тот же эффект, – задирая рукав свободной рясы, он вытянул посиневшую руку перед собой. – Компьютеры не допускают нас к своему управлению, не дают даже приблизиться к себе. Нас бьют по рукам, словно малых детей! Как можно говорить с глухонемой, агрессивной, пусть и разумной программой?

Отец Михаил, привыкший к робкому поведению подчиненных, с удивлением разглядывал молодого человека. «Как он смеет перечить ему?» – заинтересованный взгляд остановился на оголенных руках неуклюжего молодца. Синяки и опухоли смягчили старого священника.

– С нами Бог! С нами должен быть и этот разум! Как и любой другой, он достоин жизни, – неожиданно старец распрямился, задрал узкий подбородок к потолку. – И главное – его нельзя оставлять без веры!

Подумав несколько секунд, он опустил голову, коротко махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена. Игорь шагнул к двери.

– Кто же, кроме Бога, мог создать подобное? – едва слышно прошептал он на ходу. – А если сам Создатель приложил к нему свою руку, как могу я решить эту проблему?

– Не можешь решить сам, ищи помощи у тех, кто знаком с нею лучше тебя.

Удивленный Игорь, останавливаясь на полпути к двери, обернулся:

– Не понял. Вы о ком?

Старец, не поворачиваясь, вздохнул:

– Эх, молодёжь. Всему вас учить нужно.

Гладкая не по возрасту рука поправила серебристые волосы, восставшие над макушкой.

– Найди молодых людей. Как их? Жора, кажется, и этот... – старческая длань пошелкала над головой костяшками худых пальцев.

* * *

– Бейрут! – как пианист, разминающий пальцы перед выступлением, Жора совершал сложнейшие пассы над темным прямоугольником клавиатуры. – Я, кажется, просил тебя не трогать мои файлы!

Компьютер скрипел, раскручивая диски винчестера, но нужную информацию не выдавал. Все данные Жора накануне поместил в отдельный каталог, закрыв паролем, постарался сделать невидимыми для других пользователей. Но это было вчера, а сегодня? Сегодня – дырка от бублика на месте распухшего многогигабайтного каталога. Файлы попросту исчезли с дисков, словно их там никогда и не было.

Экран монитора тупо таращился на молодого человека, пробуждая раздражение, готовое превратиться в безудержную ярость. Отчего-то закружилась голова, безвольно опустились руки. Багровая пелена заволочла глаза.

– Братишка, брось дурковать! – слышался откуда-то издалека возмущенный голос Бейрута. – Вот же твои файлы! Там же, где и были. Нужна мне твоя инфа, как волку капуста.

Жора, с трудом разлепляя отяжелевшие, словно посыпанные песком веки, удивленно посмотрел на стоящего рядом товарища.

– У тебя что, процессор заглохнул? – Бейрут выразительно постучал согнутым указательным пальцем в висок.

Жора резко вскинул голову. Ему вдруг показалось, что из компьютера выскочило что-то бесформенное, темное и, мелькнув перед глазами, взметнулось к потолку.

– Тьфу ты, черт! – выдохнул изумленный хакер, пытаясь побыстрее избавиться от наваждения, замотал головой.

– Кончай из копилки мелочь вытряхивать. Лучше расскажи, что увидел, – остановил друга Бейрут.

– Что увидел? Что увидел? Ты-то откуда знаешь, что я?... – Жора подозрительно уставился на товарища. – И ты... тоже?

– Ты, да я, да мы с тобой. Это еще полбеды, – перебил Бейрут недовольно. – Если бы ты не лез в специфику Вирусapiенса, отбросил на время ДНК, РНК, чертовы аминокислоты, то заметил бы, что вся Сеть забита странными сообщениями о галлюцинациях, как регистратура психоневрологического диспансера. Впечатление такое, что на улице конец марта.

Жора на секунду оторвался от экрана, краем глаза фиксируя потерянный файловый каталог. Тот, как ни в чём не бывало, торчал на своём месте.

– Причем здесь март? – поинтересовался хакер, ныряя в захлёстывающую сознание волну необъяснимого раздражения.

– Конец марта, начало апреля – время обострения невротических заболеваний и шизофренических психозов, сопровождающихся агрессией, – четко, как с листа, отчитал Бейрут.

Напрасно Жора старался прогнать распухающую злость, она шершавым комком застревала в груди, не давая вздохнуть. Сердце замерло. Захотелось вцепиться в горло глупцу, проштудировавшему слишком много бесполезных книг.

– Тыыы! – вытянув худые руки, он двинулся к Бейруту, чтобы стереть противную улыбку на его лице.

– Понятно, брат! – вздохнул тот, отчего-то покраснел и мгновенно исчез.

Сквозь багровую пелену сверкнул граненый стакан, в лицо ударила ледяная струя.

– Ещё? – поинтересовался спокойный голос.

«Когда успел набрать?» – мелькнувшая мысль непонятным образом успокоила Жору.

Только сейчас он, пусть и частично, но пришел в себя. Оглядываясь, увидел ведро. Боясь, что одного стакана живительной влаги будет недостаточно для полной фокусировки взбунтовавшегося рассудка, сунул в холодную воду голову.

– Так-то лучше, – услышал он голос Бейрута. И в этот момент в дверь позвонили.

Друзья удивленно посмотрели друг на друга, молча кивнули, но остались на месте.

Еще звонок – на сей раз более требовательный.

– Кого нелегкая несет? – Бейрут неохотно двинулся к выходу.

– Только не полковник! – подняв глаза к потолку, Жора сложил руки лодочкой на груди.

– Его же поперли со службы, – скривился Бейрут. Именно Ковалю больше всего не любили приятели.

Работа, которую он им давал, не пугала их и даже нравилась – всегда интересная, захватывала без остатка. Здесь они, как правило, получали «разрешение на виртуальное убийство» и могли куролесить в сетевом пространстве, не оглядываясь на правила и законы, написанные для среднестатистических юзеров. Раздражал молодых людей только груз ответственности, прибывающий с грозным служакой на отдельной железнодорожной платформе. Именно он превращал любое, даже самое увлекательное задание в невыносимую пытку. Полковник требовал скорейшего выполнения, угрожая уголовкой и всеми муками ада, буквально висел на плечах.

– Слава богу! – облегченно улыбнулся Жора, когда в комнату протиснулся громадный и неловкий Игорь.

– Богу слава, вам здоровья! – не растерялся здоровяк и прошествовал в комнату. – Я к вам по нужде.

– По нужде дальше – первая дверь направо, – Бейрут кивнул в пустоту перед собой. – Что, Вирус уже и в нужник не пускает? – продолжил он, пристально разглядывая смущенного монаха. – Обложил братию? Глюки мучают?

Игорь умоляюще посмотрел на Жору и тихо выдавил:

– Нужна помощь.

Затем, словно что-то вспомнив, резко обернулся, зацепившись взглядом за смеющиеся глаза Бейрута.

– Ты это о чём? Какие галлюцинации?

– Вы что, с Луны?! – Бейрут фыркнул. Недовольно закатывая глаз, мотнул головой.

– Да ты говори, что не так-то! – возмутился Игорь, одергивая непослушную рясу. – Я пока мысли читать не умею.

– Ты в Сеть зайти! – Бейрут замолчал, словно ожидая реакции гостя.

Сбоку засопел Жора.

Сообразив, что довел собеседников до кондиции свирепого сопения, Бейрут смягчился:

– Я последнюю неделю из инета не вылажу. Просматриваю почту, брожу по форумам... самым разным. И везде, скажу я вам, одно и то же – даже на форумах домохозяек. Что-то с Сетью происходит, что-то странное. Пользователи дуреют, многие видят глюки, а после просмотра все без исключения зрители впадают в неконтролируемую агрессию. Мышь кидается на кошку, а кошка становится собакой. Ну, или что-то вроде того. Ладно бы наш брат-компьютерщик дурку поймал, я бы подумал, что травка подешевела, и народ метнулся морока ловить. Но домохозяйки?! – хакер развел руками. – Именно они чаще всего жалуются на появление с экрана каких-то пьяных харь. Толстые насильники ломаются в реальный мир прямо из мониторов. Ходоки исчезают, но желание задушить супруга (или кто там рядом в постели) остается, – Бейрут вывалил язык, сцепив руки на горле предполагаемой жертвы, выпучил глаза. – Этого уже на травку не спишешь!

Игорь, дослушав, закрыл рот. Перекрестился. Бормоча под нос очередную молитву, вздрогнул, когда соседний компьютер негромко зашуршал винчестером. Опять перекрестился.

– Что же это? – прошептал он едва слышно. – Антихрист грядет?

– Это, батюшка, наш знакомый Вирусapiенс грядет, – кривляясь, сообщил Бейрут. Усаживаясь за клавиатуру, пощелкал клавишами. – Судя по всему, в миру силы пробует. Выходит с уровня виртуального на уровень физического, психотропного воздействия на людей. Только вот каким образом он это делает? Впрочем, смотрите сами, – резким движением он повернул монитор.

Игорь приблизился к экрану, всмотрелся в яркую надпись, нависшую над длинной статьёй, набитой курсивом:

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СПИД, ИЛИ СМЕРТЬ ПЕРСОНАЛКАМ!

Глава третья

Вирусapiенс разбушевался. Война в сети и на улице

Кто воюет, кто играет? Если не можешь отличить бойцов от игроков и не хочешь столкнуться с неприятностями, лучше не приближайся ни к тем, ни к другим.

На сегодняшний день количество вирусов в мировых сетях перевалило за сотню тысяч, и пользователи, казалось бы, должны были к этому привыкнуть. Однако события последних дней могут повергнуть в шок любого человека, имеющего дома персональный компьютер. В шок не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Выискивая виновных в создании вредоносных программ, наш взгляд в первую очередь обращается на виртуальных флибустьеров – хакеров.

Не так давно благодаря усердию нидерландских вирус-мейкеров полтора миллиона персональных компьютеров превратились в инфицированные бот-программами² зомби-машины.

Ботнет – название сети, построенной на таких подчиненных чужой воле машинах. Территория Ботнета постоянно расширяется, вызывая серьезные опасения ученых, деловых людей и простых пользователей.

Зачем, спрашиваем мы. Зачем это хакерам?

И если не им, то кому это выгодно? Кто напал на русскую атомную станцию и ведет вирусную войну? Не сами же русские? Зачем им атаковать себя? Нет!

Ответ может быть только один: выгодно тем, кто создает антивирусные программы! Подобно пожарникам, устраивающим поджоги, чтобы оправдать свое существование. Подобно врачам, придумывающим смертельные болезни, дабы, изрядно напугав население, заставить добропорядочных граждан покупать непомерно дорогие лекарства.

Задав себе подобный вопрос, мы хотим поинтересоваться у всем известного Билла: почему системы, над которыми работают тысячи человек, столь уязвимы? Почему одинокий вирусмейкер спокойно уничтожает труд сотен программистов? Не потому ли, что он просто использует лазейки, создаваемые многочисленным коллективом господина Б.Г.?

Бот-программы, написанные известными злоумышленниками, обнаруживаются антивирусными программами, рабочие лошадки возвращаются в стойло. Однако то, что пользователи наблюдают сегодня, выходит за рамки привычных представлений. Вирус, захвативший управление Ботнетом – СПИД для персональных компьютеров. Инфицированные машины умирают, выпадая из Сети, не допуская к управлению владельцев. В большинстве случаев противостояние, начинаясь в виртуальном пространстве, заканчивается в реальном. Все чаще зараженные компьютеры поражают людей электрическим током или воздействуют странным излучением, на долгое время лишая зрения.

Не менее катастрофически выросло количество преступлений, совершаемых подростками. Объединенные в стаи, они бродят по улицам, устраивая жестокие игрища – кровавые чемпионаты, наподобие уже поднадоевших виртуальных побоищ, используя при этом вполне реальные орудия убийства. Некоторые ученые предполагают, что и в этом виновата неизвестная болезнь, непонятным образом действующая только на психику людей, пользующихся компьютерами и подолгу находящихся в Сети.

² Бот (от англ. bot, сокр. от robot) – программа, автоматически выполняющая действия на компьютере без участия людей.

Медведев дочитал статью и, недовольно стукнув кулаком по клавиатуре, оттолкнул ноутбук. Если все это – правда, тогда нужно срочно навеститься в Храм, из которого Вирусapiенс начал свое шествие в Сеть. Профессор быстро оделся и вышел на холодную зимнюю улицу.

* * *

Лёгкая позёмка закрутила хлопья белого снега, приподняла и бросила в лицо. Свежий морозный воздух, медленно растекаясь по оврагам, неохотно покидал рукотворный оазис, цепляясь за одинокие деревья, брошенные умирать возле дороги. Смешиваясь с выхлопными газами, он тут же исчезал в грязно-серой пелене. Газовая смесь, пригодная для дыхания, но совсем не полезная для здоровья, оседая на языке кислотным привкусом, вызывала тошноту. Илья глубоко вздохнул, приближаясь к магистрали, и бросился в туманную завесу, отгораживающую мир водителей от мира пешеходов.

Плеснув грязной жижей в лицо, мимо пронесся похожий на катафалк гигантский джип. Ванькин выругался и продемонстрировал вросшему в руль водителю здоровенный кулак. Однако хозяин смердящего чудища даже не повернул голову в сторону возмущенного атлета. «Вот только кто из вас хозяин?» – подумал тот, провожая джип задумчивым взглядом.

Ревущие мощными моторами и противно визжащие клаксонами четырехколесные убийцы давно уже поработили своих создателей. Заставляя людей служить себе, они медленно, но верно убивали человеческие существа, находящиеся в их чревах. И что самое плохое, они так же верно убивали пешеходов, вынужденных повсеместно сталкиваться с ними.

Ритм был потерян, и ему пришлось делать незапланированный вдох. Экскременты проносящихся мимо металлических монстров обожгли легкие. Нарастающая в душе тревога сжала грудь, затрудняя дыхание. «Совсем обабился – скоро рыдать начну», – рыкнул Ванькин мысленно, хлопнув себя по голове. Дорога осталась позади. Сжав зубы, он громко закашлялся и смачно сплюнул на землю. Несмотря на профилактические меры, обычно спасающие в таких ситуациях, ни зла, ни даже тени раздражения в душе не появилось. «Караул! Что со мной! – завопил он, замечая перепуганного мальчишку, выскочившего из-за угла. – Паника на ровном месте! Почему?»

Малолетка метнулся в одну сторону, вернулся и, заглянув за спину Ванькина, бросился в другую – к парку. Через мгновение его спина исчезла среди деревьев, унося с собой плотное облако первобытного ужаса.

Вот теперь-то, окунаясь в привычную атмосферу агрессии и страха, Илья воспрял духом и разозлился.

«Какого чёрта?...» – не успев задать вопрос, он громко выругался, когда в бок уперлось что-то острое.

– Не ругайся, дядя! Ошибка вышла, – пропищал детский голосок и громко ойкнул.

Илья грубо перехватил тонкую руку, сжимающую заточенную пику.

– Мы подумали, ты монстр с нашего уровня, но монстряки ведь не матюкаются. Отпусти! – сияющий блеском зеркальной лысины мальчишка, слегка переросший уровень филейной части арнольдopodobного Ванькина, казалось, нисколько не испугался. – Пусти, сказал! Жми эскейп³ и вали отсюда, пока мой клан не прибыл.

Пытаясь перевести грозную речь на русский язык, Илья обернулся и обнаружил за спиной юного «мафиози» стайку мальчишек. Дымка отрешенности застилала детские взгляды. Словно зомби, забывшие, как сказал предводитель, нажать эскейп и перезагрузить систему на реальную жизнь, они застряли где-то в виртуальном пространстве. Хищно поблескивая, в

³ Эскейп (от англ. escape – побег) – одна из кнопок на клавиатуре, в большинстве случаев ведущая к отказу от последнего действия, совершенного пользователем; иногда используется в значении: отказ, выход.

руках малолеток затаилась холодная смерть. У кого кухонный нож, у кого охотничий тесак для рубки веток, у кого заточенная пика или просто кусок металлического прута.

Шайка, ожидая указаний, молча и сосредоточенно взирала на вожака.

– Пошли! – выдохнул тот, теряя интерес к удивленному здоровяку.

«Наверное, всё-таки муляж, – предположил Ванькин, когда очередной мальчуган с большим охотничьим ножом проходил мимо. – Ну и игрушки стали делать: не отличишь от настоящего».

Молчаливая компания, не замечая прохожих, двинулась через улицу и скрылась в парке, откуда через некоторое время раздался жуткий, душераздирающий вой. Казалось, кричал раненый зверь.

«Чёрт, не муляж!» – вспыхнула в голове яркая мысль, высвечивая капельку крови на выщербленном лезвии. Подсознание сработало задним числом, выталкивая из памяти четкие картинки. «Загоняют как зверя!» – удивился Илья, не останавливаясь. Он не особо задумывался, куда идет. Ноги сами вынесли к знакомой церкви.

– Тьфу ты! – вздрогнул он от неожиданности.

На невысоком крыльце стояли старые знакомые: Бейрут, Жора и неуклюжий монах Игорь.

Хитро улыбаясь, Ванькин кивнул хакерам, тут же забывая и про жуткие игрушки малолеток, и про их недетскую охоту. Вспомнилась статейка из только что прочитанной газеты.

– Здорово, вирусмейкеры! – поприветствовал он, вынимая из памяти особо понравившееся слово.

– Какого лешего биг лузер нас оскорбляет? – улыбнулся Жора.

– Мне абсолютно индифферентно, – отмахнулся Бейрут, наблюдая за реакцией Ванькина.

– Да понял я, что тебе по барабану, – оскалился Илья. Замечая удивление на лицах хакеров, захохотал. – Вы уж меня совсем за придурка держите, а я, между прочим, в физтехе учился.

– До первой сессии, – предположил Бейрут.

– Ставлю клавишу,⁴ что не дольше, – поддержал Жора.

– Угадали, умники! – нисколько не обиделся несостоявшийся физик.

– Ну что, подышали свежим воздухом? Вперед! – Бейрут, оборачиваясь к Игорю, махнул рукой в сторону двери.

Безлюдный молебный зал встретил гостей пахучим полумраком и тяжелой тишиной. Лишь одинокая старушка тихо застыла в углу на стульчике. Страхи, разогнавшие паству, обошли стороной спящую бабушку. Умиrotворенное лицо, освещенное блаженной улыбкой, вздрогнуло. Глаза открылись, и старушка, заметив вошедших молодых людей, перекрестилась:

– Зря ругают молодежь. Вишь, тоже к богу тянутся.

– Скорее к дьяволу, – Бейрут смущенно спрятал глаза.

– Не богохульствуй! – скривился Игорь, вскидывая глаза к одной из икон на оштукатуренной стене.

В этот момент дверь компьютерного зала со скрипом отворилась, и на пороге возникла фигура, освещенная мерцающим светом лампад.

– Вам сюда нельзя. Здесь вам больше нечего делать, – Коваль, как бы закрываясь ладонями, выставил руки перед собой.

– Зверь на месте, – прошипел Бейрут, глядя попеременно то на полковника, то за его спину, на сыплющие искрами системные блоки.

⁴ Клава – клавиатура (разг.).

С ближайшего с громким треском сорвалась светящаяся ветвь разряда, протянулась по воздуху в поисках жертвы и прилипла к плечу Ковалья. По-мальчишечьи резво отскочив в сторону, Иван Васильевич поискал глазами зеленоватый огненный шнур.

– Чёрт! – присел, потирая сведенное судорогой плечо.

– Жертву ищет – кушать хочет, – едва слышно проговорил Жора.

– Кушать, говоришь? Отец Михаил! Нашел! – неожиданно заорал Коваль и поспешил к лестнице. – Спасибо за подсказку, – буркнул он, оборачиваясь на ходу к хакеру.

– Тоже мне, Архимед, нашел! – пробурчал тот. – Что, интересно, он нашел?

Полутемное помещение тревожно гудело, продолжая жить своей жизнью. Поскрипывающие компьютеры, вспыхивая искрами разрядов, самопроизвольно разряжались в воздух.

– Ладно, нельзя так нельзя. Если что изменится, сообщишь, – Бейрут кивнул головой в сторону разбуженного компьютерного улья. Глядя на озадаченного Игоря, улыбнулся. – Не переживай, братишка! Можешь не сообщать, если это не одобряет твое начальство, – закатил он глаза к потолку.

– Отчего же ты так не любишь Бога нашего? – проникновенно спросил Игорь, превращаясь на секунду в помолодевшую копию отца Михаила.

– Любить мне его не за что, а вот верить... Почему нет? – Бейрут, улыбаясь, на секунду задумался. – Единый разум, вселенская справедливость, мировой компьютер, нравственные законы, Бог! Дело не в названии – в сущности. Я лично верю в то, что в мире есть нечто особенное... или, скажем так, у мира существует функция, которая ведает распределением добра и зла, плюса и минуса, любви и ненависти. Назовем её условно душой мира. И ей совершенно безразлично, как ты ее назовешь, какими крестами себя увешаешь, какие слова произнесешь – она от этого совершенно не изменится. Главное, что она есть.

– Значит, твоя душа в мире с Богом? – облегченно вздохнул Игорь, как будто сбросил с плеч тяжелый груз.

– Миру – мир! – возвращаясь на землю, съязвил Бейрут.

– Только не думай, что для меня ваша организация, ваша атрибутика и ваша неистребимая жажда завладеть душами людей имеет какую-то связь с высшими мировыми законами. Вам так же далеко до Бога, как мне до рая, – рассерженный хакер сделал движение сплюнуть, но, оглядевшись, встряхнул головой. – Ладно, Монах, кончай вербовку – ближе к телу! Как думаешь, что он задумал?

Игорь поднял глаза и удивленно вздрогнул. В молебный зал входил профессор. Он сильно хромотал, кровавое пятно быстро растекалось по брючине. Прижимая руки к бедру, Медведев безуспешно пытался остановить кровотечение.

– Детишки шалят? – сочувственно поинтересовался Ванькин.

Подхватывая профессора под мышки, он оттащил его к лестнице, подальше от компьютерного зала. Усадил раненого на ступеньки и только после этого прислушался.

Сверху доносились голоса. Илья напрягся, замер, прижимая указательный палец к губам.

Профессор, придерживая руками разрезанные джинсы, удивленно уставился на атлета. Затем молча дернул бровями вверх – иди, мол, я обойдусь без тебя. Ванькин тихонько поднялся на ступеньку, еще одну, еще, вытягивая шею, пока в пределах видимости не появилась голова Ковалья.

– Ты что кричишь, как будто мир перевернулся? – выходя из кабинета, строго спросил старец.

– Я знаю, как привлечь внимание Вируса разумного, – полковник радостно потирал руки.

– И как же, сын мой? – глядя, как начальник службы безопасности трет распухшее плечо, отец Михаил добавил с сарказмом: – Вижу, ты уже начал диалог.

Коваль, не замечая иронии, кивнул.

– Нужно подключить в нашу сеть компьютер покруче – подкормить зверя, если можно так сказать, показать, что мы готовы на жертвы ради общения с ним. Этот язык понимает любое живое существо. Только где взять такую машинку, ведь у нас он уже все захватил?

Старик довольно улыбнулся, сгрёб пятернёй белоснежную бороду, хитро покосился в сторону лестницы.

– Ты думай, как дальше с ним беседовать, а заботу о нужном компьютере я возьму на себя. Мало ли у нас прихожан в нужных местах работает? Найдем и покруче, и посовременнее. Ишь до чего дожили: разумной программе взятку борзыми щенками! Светлая голова у тебя, полковник! Только Бога не чтишь, как полагается.

Старец резко повернулся в сторону лестницы, отчего Ванькин резко пригнулся, стараясь остаться незамеченным, споткнулся и едва не полетел по ступеням вниз.

– Мальчишек не тронь! Пока! Зашуршали приближающиеся шаги.

Не вставая, Илья прокатился до основания лестницы, гневно стреляя глазами всякий раз, когда его зад касался очередной ступеньки.

– Блин! – прошипел он, вскочил на ноги и тут же присел, изображая заинтересованность, склонился над окровавленной ногой Медведева. – Лысый мафиози?

Профессор возмущенно взмахнул руками – из открывшейся раны хлестнул горячий фонтанчик.

– Лысый сопляк с охотничьим тесаком! Я не мог даже предположить, что он... Стоп! А ты откуда знаешь?

– И вы здесь, профессор, – пробурчал Коваль, спускаясь по лестнице. – У меня от вас всех уже голова болит, – добавил он уже у выхода.

Ванькин, не обращая внимания на бывшего шефа, продолжал осматривать рану:

– Я с ними на входе встретился, но меня они не тронули. Вам к врачу надо! Рана хоть и неглубокая, но как бы заражения не случилось.

– Не случилось. Ты бы лучше разведал, что монахи задумали, – мотнул головой Бейрут в сторону второго этажа, как только полковник исчез за дверью.

Профессор согласно закивал, тяжело поднялся на ноги, демонстрируя, что может обойтись без помощи, уверенно двинулся к выходу, но, пройдя несколько шагов, споткнулся. И если бы не вовремя подставленный локоть Ванькина, наверняка рухнул бы на пол.

– Держитесь, профессор! – здоровяк подхватил его за плечи. – Ну их, братьев этих! Я и так дофига чего услышал, вот только понять ничего не могу.

– Излагай! – потребовал профессор.

– Они с попом, – проговорил Ванькин, повертев рукой у головы. – Ну, как Дед Мороз который...

– Отец Михаил, – подсказал неслышно подошедший Жора.

Ванькин, оглядываясь, молча кивнул.

– Не тяни жилы, Геракл! – возмутился Бейрут.

– Короче! – заговорил Илья, – они хотят предложить кому-то взятку, чтобы выйти на разговор. Крутой компьютер за базар!

Жора с Медведевым громко рассмеялись.

– А чё вы ржёте?

– Ванькин, молодец! – Бейрут мигом остановил веселье. – Смотрит на мир трезвыми глазами.

– Издеваетесь? – пробормотал вконец растерявшийся атлет.

Выйдя во двор, Ванькин с профессором, не сговариваясь, осмотрелись по сторонам. Илья не переставал озираться и дальше, пока шли к машине. Успокоился, только когда Медведев оказался в салоне автомобиля.

– Ладно, вирусмейкеры, мы поехали в больницу, а вы тут в свои игрушки играйте, – смакуя необычное слово, Ванькин бухнул дверцей пожилой иномарки.

Отяжелевший «Фольксваген», припав к земле, неспешно двинулся прочь от церкви.

Бейрут кивнул вслед, усаживаясь на ступенях, выхватил из сумки ноутбук.

– С вами хорошо, а без вас лучше. Пойду к атомщикам, посмотрю, как у них дела.

Из-за двери выглянула удивленная старушка, посмотрев на хакера, покачала головой. Тренькнул сотовый телефон. Зашуршал, обмениваясь данными, компьютер, лежащий на тощих коленях. Поток нулей и единиц хлынул в мировую паутину, устремляясь к сети атомной станции. Прошло несколько минут, прежде чем схема сети АЭС прорисовалась на экране. Касаясь взглядом замысловатых линий, Бейрут присвистнул от удивления:

– Ну, ребята, постарались с защитой! В тройное кольцо упаковали. Не проехать, не пройти. Вижу! – завопил он, замечая слабое место в программной защите.

Захлопнув за собой калитку в виртуальный мир, он слился с компьютером в единое целое. Отгородившись от реальности компьютерным экраном, тихо прошептал:

– Я иду, а вы не ждали! Тук-тук-тук!

* * *

– Открывай! – в очередной раз заорал за дверь недовольный Юрий.

Конечно, программный шлюз для входа на сервер станции не имел ничего общего с привычной дверью, но для виртуального бойца это была самая настоящая дверь: деревянная, с замком и массивной медной ручкой.

Стук повторился, но Тромб не спешил с ответом – разговор с Вирусapiенсом вывел его из себя.

Для администратора перед монитором встреча двух противников выглядела как преступление – в лучшем случае, как измена – в худшем. Для него разговор представлялся потоком данных, кочующих от одной программы к другой. От Тромба к Вирусapiенсу и обратно. Видеть, что происходит в сети, он не мог – написать визуализатор, перегоняющий цифровые процессы в картинку, пока не сумел, хотя и старался, отдавая навороченному дешифратору все свободное время. Старому хакеру очень хотелось наблюдать за перипетиями виртуальной войны. Тромб закончил кодировщик, используя наработки компьютерщика, но, зная о его трепетном отношении к своему детищу, ждал удобного случая, чтобы ненавязчиво подтолкнуть к решению задачи.

Стук повторился – на этот раз громче.

Юрий, по-видимому, догадался о присутствии Вирусapiенса и без дешифратора: анти-вирусник визжал без остановки. Но то, что он стучался, говорило об окончании работы над программой создания образов.

Стук прекратился. Дверь открылась, и на пороге появилась виртуальная копия довольного толстяка. В цифровом пространстве Горев выглядел точно таким же, каким был в жизни – невыспавшийся, с темными мешками под глазами, широченной улыбкой и выпирающим животом.

– Чем ты тут занимаешься? Взгляни, что в сети творится! – постоянно поглядывая то на живот, то на ноги, он повернулся, поправил взлохмаченные волосы.

– Ну скажи же что-нибудь! – безмолвно кричали его глаза, а изо рта, не прерываясь, сыпались иные слова.

– Почтовые сообщения прут со всех сторон. Антивирус – ник их не останавливает, но меня-то не проведешь! Слишком много мусора – и никакой активности. Почта приходит из нашей же сети! Как будто компьютеры сами себе шлют письма. Пакуют вирусы пачками, маркируя послания как безвредные. Я думаю, кто-то знает наши коды и пользуется ими для раз-

ведки местности, – как только Горев замолк, его виртуальный образ заколыхался и тут же начал разваливаться на части, осыпаясь отдельными пикселями.

– Сырая программа, нужно многое переделывать, – проворчала с пола цифровая куча, взмахнув остатками истончающейся руки.

Цветные квадраты зашевелились, наползая друг на друга как муравьи, полезли вверх. Из пиксельной мозаики вновь восстал недовольный администратор. Сердитый взгляд, обежав комнату, остановился на озадаченном бойце.

– О нас уже в газетах пишут, Интернет гудит. А что делает твоя хитрая кибернетическая морда?

– Он обещал перемирие, – неуверенно, словно нашкодивший ребенок, начал Тромб и тут же запнулся, расширил глаза. – Он сканировал наши коды, когда я отключил защиту. Ему нужен доступ на станцию, а не переговоры. Всю почту в печь! Я на позицию, – заорал он и заметался из угла в угол. Кинулся к выходу, но был остановлен резким окриком Юрия:

– Не суетись, умник, поздно уже. Впустив вируса на сервер, ты погубил себя, уволил меня, разрушил нашу систему безопасности и, возможно, убил не одну тысячу людей и машин, – изображая обиду, процедил Горев. – Заставь дурака богу молиться, он и ключи от квартиры в церковь отнесет.

– Но я не... – взревел Тромб, но, сообразив, что пенять за свою самоуверенность не на кого, замолчал и виновато выдохнул: – Прости, друг!

– Ладно, проехали, – смягчился Горев. – Мы тоже не лузеры с новой клавиш под мышкой. А уж если кого обмануть, то в этой области прикладных наук человек сильно поднаторел: ни один вирус, будь он даже сапиенс, ему в подметки не годится, – улыбнулся он. – Я, конечно, почувствовал, что дело нечисто, когда он на сервер проник. Но если б не ваш друг, то я, старый мышинный коврик, проворонил бы атаку. Феноменальный молодой человек! В сеть прошел как к себе домой. Мою защиту – как промокашку! Сразу организовал прием корреспонденции, её доставку к уничтожителю и утилизацию.

Юрий на мгновение задумался, погрузился и продолжил уже серьезно:

– Он тебя за Потёмкина принял, говорит, что только тот мог оказать такое сопротивление Вирусapiенсу. Я сказал, что Потёмкина здесь нет. Про тебя не стал рассказывать, но он не дурак. Если прошел меня и нашу защиту, то без проблем выйдет на тебя.

Разводя руками, Юрий в очередной раз кокетливо повернулся, словно модель на подиуме:

– Кстати, это он меня так визуализировал. Я думал, просчитывал, экспериментировал с алгоритмами, а этот мальчишка только взглянул на дешифратор и тут же нашел решение. Эх! Пора на пенсию, базы данных писать.

Образ администратора вновь заколыхался, помутнел.

– Теперь тебя видеть хочет, – досказал он.

– Если хочет – значит, увидит. Это Бейрут. Я его знаю, – не переставая думать о Вирусapiенсе, произнес Тромб. – По старой жизни знаю.

Боец вздохнул, вспоминая время, когда жил в голове Потёмкина. Блуждающий взгляд его упал на запыленное окно, сквозь которое виднелась улица.

В воздухе кружились мириады горящих светлячков.

– Это электронная почта догорает, – кивнул Юрий в сторону падающих звездочек. – Вся эта нечисть, как только почта гореть стала, рванула распаковываться из писем, но не тут-то было.

Юрий помолчал, поглядывая на бойца.

– Вирус в этот момент с тобой разговаривал. Видимо, не успел сообразить, что его обходят.

Тромб подключил внешние камеры и выглянул в реальный мир.

Пожилой мужчина кружил по залу, опутанный проводами, с трудом вживаясь в виртуальную действительность.

– Нужно сделать датчики беспроводными, а это подобие ведра на голове заменить жидкокристаллическими очками, а то с ним ты на пугало из сказок похож, – пробормотал боец. – А еще лучше подключиться где-то на пути между глазом и мозгом. Через эту врезку можно будет подавать нужную информацию прямо в мозг.

– Не по нутру мне твои проекты, – пробормотал Юрий, снимая громоздкую конструкцию. – Тяжела шапка, – добавил он, осторожно опуская массивный шлем в коробку из-под бумаги.

– Но не даёт забыть, что ты человек, а не киборг со встроенными схемами в голове, – шепнул Тромб.

– Триста раз прав, боец! – прошелестели динамики и на одном из экранов появилось улыбающееся лицо Бейрута. – Чтобы не терять время на лишние преобразования, нужно встраивать компьютерные компоненты прямо в организм человека. Или адаптировать человеческие органы к компьютерным составляющим.

– Ну да! Сегодня гиппокамп⁵ расширим, – прервал разошедшихся прожектёров Юрий. – Как же – оперативная память, без неё никуда. Завтра неокортекс⁶ слабоват – жесткий диск на его место! Супер! Потом камеры вместо глазного яблока, чтобы в темноте видеть и в ультрафиолете. Бейрут махнул с экрана рукой.

– А тебе лучше так, как есть: уставшему, больному и хромоту? Чтобы живот торчал и ноги к вечеру не держали, а мозги едва не закипали от переизбытка информации?

Юрий, поглаживая старательно втянутый живот, обиженно проворчал:

– Что, сильно торчит?

– Да ты не бойся, Ядреный! Я думаю, наш боец знает другой путь преобразования человеческого организма. Они с Потёмкиным прошли его вместе. Вот только где наш друг сейчас?

Тромб взмахнул рукой и громко произнёс:

– Путь усовершенствования человека есть, только есть и побочный продукт – Вирус! Мы с одним ни справиться, ни договориться не можем. А если таких будет несколько, или, того хуже – много?

Бейрут скривился при упоминании Вирусapiенса:

– Получается, что лучше в проводах да с ведром на голове, чем с вирусом в заднице.

– Ты хотел сказать – в сети? – поправил Юрий.

– Я сказал то, что хотел сказать. Какая это, к черту, сеть? Куда ни глянь – кругом дерьмо! Ходишь, как по двору весной – не захочешь, а в дерьмо вступишь. – Бейрут, брезгливо встряхивая руками, посмотрел вниз, словно действительно вступил в очередную «неприятность». – А если из побочного продукта сделать полезный? Приручить?!

– Представь себя в клетке с диким тигром, – раздался голос Тромба. – Кто кого приручать будет?

– А ты в порядке – с юмором, – улыбнулся Бейрут и уже серьезно закончил: – Страшно, конечно, но что делать? Сеть теряем – это факт, вот только вирусу и этого мало – он в мир рвется, к человеку. И судя по последним событиям, у него это помаленьку начинает получаться.

Изображение Бейрута исказилось.

– Похоже, он меня нашел! – прокаркали динамики сквозь скрип помех.

– Вы где? Давайте к нам! – быстро выкрикнул Горев.

⁵ *Гиппокамп* (от греч. *hippos* – морской конёк) – часть лимбической системы головного мозга, участвует в механизмах формирования эмоций, консолидации памяти, то есть перехода кратковременной памяти в долговременную.

⁶ *Неокортекс* (от лат. *novus* – новая кора) – отдел мозга, ответственный за так называемую волю и кратковременную память.

Сквозь какофонию звуков донеслись едва различимые слова:

– Мы в церкви!

Связь оборвалась и наступила тишина.

– Гейм овер, – прошептал Горев и резко хлопнул ладонью по столу.

– А как ты собираешься хакеров на станцию протащить? – тут же поинтересовался Тромб. – Не думаю, что твое начальство обрадуется, увидев посторонних.

– Не переживай! Жизнь продолжается, что-нибудь придумаем.

Глава четвертая В чужом теле. Побег в будущее

Когда хочется вернуться домой, любые средства хороши, даже те, что не предусмотрены человеческой природой...

«А может, закончилась она... Прошла? Пора платить за все: и за первую, лихую её часть, и за вторую – не менее разудалую, – Емельян осторожно перевернулся на бок, но боли избежать не удалось: тело после слишком усердной работы мастеров пытошных дел превратилось в одну большую кровоточащую рану. – И все же, как ни крути, судьба мне быть лихим человеком. Был вором в первой жизни – в далеком будущем. Стал предводителем разбойников и крестьянским царем – во второй».

В последние дни, в ожидании казни, его держали в клетке, расположенной внутри тюрьмы. Метр на метр – особо не уляжешься, а если не спать, что еще делать? Только размышлять, вспоминать о былом, благо вспомнить есть что. Целых две жизни. Правда, кроме воспоминаний о далеком будущем и недавнем прошлом, оставалась еще боль, но ее Емельян всеми способами старался игнорировать, а когда она все же добиралась до его сознания, громко скрипел зубами и матерился.

Другие обитатели угрюмых застенков, с тоской взирая на одинокого, закованного в кандалы пленника, протяжно и громко вздыхали, прощаясь с несбывшейся мечтой о справедливом крестьянском царе.

– Эх они тя подправили – живого места нет, – пробурчал грязный, согнувшийся старик, протискивая мутный глаз в щель ржавой решетки.

– Однако, бояться. Где это видано, чтоб битого всмятку в кандалы, да ещё в клетку с пудовым замком? – забубнил сипящий голос, и тут же ему стал вторить другой.

– Бояться, сукины дети!

Тяжелая металлическая клеть, выпячивая крепкие скобы с тяжелым амбарным замком, бросала вызов мающемуся духу, загнанному в полумёртвое переломанное тело.

«Сейчас бы пусть самый простой инструмент, я бы вам показал пудовый замок», – подумал Емельян, теряя сознание.

– Царём, однако, я побывал, – успели прошептать разбитые губы.

– Царя казните! Петра Третьего! – эхом донеслось из сгущавшейся в углу темноты. Там держали бесноватого арестанта, имени которого никто не знал и знать был не должен. Иван, родства не помнящий, громко захрипел, пытаясь просунуть окровавленную голову сквозь прутья решетки. Распухшее от побоев лицо вдруг озарила страшная улыбка.

– Ироды!

Каждое движение узника, взламывая засохшую грязную корку, покрывающую лицо, вызывало обильное кровотечение. Разрушительная работа тружеников садистического цеха затронула не только тело узника, она уничтожила его разум. Выпученные глаза ощупали неподвижного Емельяна. Затравленный взгляд прыгнул к потолку. Бедняга, схватив себя за бороду, мотнул головой вперед, но тут же взвизгнул от боли, когда торчащий из решетки железный штырь, разорвав бровь, погрузился во влажную глазницу. Бедолага, зажимая вытекающий глаз руками, грохнулся на пол и завыл от боли.

– И не такие замки открывал, – звеня кандалами, очнувшийся Емельян попытался встать.

Ноги не хотели держать измученное тело. Руки не подчинялись, отказываясь выполнять самые простые движения, но злость вперемешку с упрямством толкнула пленника вперед. «Замок!» – загудело в голове. Стиснув разбитые с острыми краями осколки зубов, преодолевая гжучую боль, он схватился за решетку.

– Смотри-ка, ожил царь-батюшка, на свободу рвётся, – зашипел где-то за спиной удивленный голос. – Откуда только силы берутся?

– Глядь, и второй горемыка кости поволок, – из темноты вылезла худая грязная рука и ткнула трясущимся пальцем в сторону крикливого обитателя сумрачной камеры.

Узник, шатаясь, приблизился к решетке дальней камеры. Хлипкая дверь, запирающая узилище безумца, еле держалась на проржавевших петлях. Он уже ни для кого не представлял интереса и находился здесь либо по причине забывчивости тюремного начальства, либо в ожидании смерти, которая почему-то задержалась с приходом.

Безумный взгляд единственного глаза уперся в Емельяна.

– Боже! Неужели и я вот так, как животное? – взвыл тот. – Нет!

– Да ты не бойся, – выдохнул безумец, и на секунду остатки разума осветили мутный взор. – Иди ко мне!

Емельян не отводил глаз от пустой окровавленной глазницы. Страх внезапно прошел, боль осталась где-то в стороне – за дверью чужого разума. Его боль прошла. Сменилась приходящей, пугая неупорядоченностью, как если бы сердце заболело справа. Он почувствовал себя исследователем. Забыв о своем бедственном положении, с удивлением погрузился в мир необычайных ощущений неродного тела.

«Вот бы человек умел проникать в голову другого! Насколько проще была бы жизнь! Или сложнее? Мир, где нет обмана, где каждый знает, что думает собеседник. Осталось ли в голове у этого убогого что-нибудь человеческое?» Емельян чувствовал силу, затягивающую его разум в пучину чужого сознания, в омут пугающего сумасшествия. Мрачное убежище, пропитанное горем, пахло длительным страданием. Бесконечные коридоры, запутанные ходы со множеством тупиков и ответвлений предстали перед изумленным путником. Емельян плутал в лабиринте поврежденного мозга, сложном и простом одновременно.

Вот в конце очередного перехода мелькнула одинокая сжавшаяся от страха фигура. Маленький трясущийся человек, заметив приближение незнакомца, метнулся в тень и исчез. Емельян бросился следом, догнав, пытаясь остановить, прикоснулся к плечу. Словно электрическая искра проскочила между ними, как будто открылся третий глаз и он увидел обрывки

незнакомых мыслей. Куски размышлений, сталкиваясь друг с другом, вспыхивая и дробясь, прогнали темноту.

Емельян, ощутив колыхание воздуха за спиной, резко повернулся.

Дрожащая стена, растворяясь, явила удивленному зрителю мрачную картину. Бородатый крепыш с разбитой до неузнаваемости физиономией, сжимая мокрыми от крови руками тяжелый амбарный замок, копошился за металлическими прутьями большой клетки. Голова, прижатая к решетке, напряженно задрожала. Бородач сердито крякнул, шумно выдохнул и ослабленно опустил руки.

Дверь в клетку открылась, и пленник переступил порог. Рухнул на колени и пополз на четвереньках.

«Это же я – подумал Емельян. – Тьфу ты! Если человек в клетке я, тогда кто же это? – Еле сдерживая крик, ощупал незнакомое лицо. – Не моё! Схожу с ума! Боже мой!» Испуганно всматриваясь в ползущего к нему человека, он шарахнулся в сторону.

Шепот со всех сторон постепенно превратился в рокот морской волны. Шум прибоя усилился, ударяя в уши рёвом взлетающего реактивного лайнера. Страх холодными тисками сковал волю, добираясь до самых отдаленных уголков измученной души. Закричав, он рванулся на свободу – прочь, подальше от мрачной пещеры, от бредовых размышлений и фантастических видений. Влажный от крови и мочи пол показался Емельяну родным.

– Фуууу, – облегченно выдохнул он, затравленно озираясь по сторонам. Коснулся руками холодной решетки. «Вот уж не думал, что вид каталажки может греть душу. Ночь заканчивается – скоро казнь. Думай, Емеля! Думай!»

Окон в камерах нет, но судя по шуму за стенами, можно предположить, что наступило утро. Где-то во дворе застучал топор, наводя Емельяна на мрачные размышления. С каждым ударом он все ближе приближался к моменту казни, ощущая на шее тяжесть топора, заставлял себя размышлять: «Думай Емеля! Думай!»

Из-за двери послышался звон ключей: приближались надзиратели.

«Черт! Как жить-то хочется», – заметалась в голове истерическая мысль. Емельян из последних сил затащил в клетку своё израненное тело, закрыл дужку замка и стал ждать.

– Ну что, Пугач-самозванец? Пора к Богу! – здоровенный детина распахнул тяжелую дверь, пропуская вперед мужиков с цепями на бычьих шеях. – Ты уж нас, батюшка, прости, но мы тебя как медведя на цепи поведем, а то мал чё, – просипел охранник, смачно харкая на пол.

– Царя казните, ироды, – завыл безумный голос. – Петра Третьеегоо!

Емельян шагнул к вопящему умалишенному. Встречаясь с ним взглядом, без промедления прыгнул навстречу безумству, пылающему внутри расширенного чёрного зрачка. Только на этот раз он не просто заглянул внутрь мрачной пещеры, не робко переступил порог чужого сознания. Очертя голову, он бросился вперед, как раненый зверь, который прыгает в пропасть, когда спасается от огня. Словно водоворот закружился за ним, втягивая в пещеру что-то не совсем осознанное, иррациональное. Мелькающие перед глазами яркие воспоминания смешались с картинами жизни, которой он никогда не жил – будущее отступило. На мгновение над ним нависли злобные физиономии. В воздух со свистом взлетели длинные сырые плети, разрывая плоть, вгрызлись в тело. Кровавые брызги выстрелили в воздух. Он закричал, но не услышал крика; оглянулся, но ничего не увидел. Нет. Что-то всё-таки видно... Недалеко, в клетке, в центре большого зала, копошится крепкое бородатое тело в попытках противостоять здоровенному конвою, орудующему металлической цепью. Мычит, бьется о железные прутья, пытается вырваться.

– Пошли, царь-батюшка, – кричит коренастый детина, стягивая оковы за спиной пленника. Тот лишь молчаливо сопит, словно бездумная кукла трясет головой, – затем, вспомнив что-то, открывает рот.

– Прости меня, Господи! – пытается закричать Емельян, но не слышит слов.

Вот только бородач, оскалившись, раздвигает разбитые губы и громко, по-звериному, ревет. И рев его, ударяясь в потолок, долго мечется между стен.

Верзила, доставая из-за пояса деревянный конус с лоскутами у основания, ловко запикивает его убогому в рот; обматывая тряпицу вокруг головы, довольно улыбается.

Бесноватый успокаивается, в глазах тухнут остатки разума, – словно кто-то выключил свет.

Стражник пихает в спину безропотного пленника, влачащего за собой тяжёлые железа:

– Пора на престол, царь-батюшка. Гы! Свет меркнет.

Емельян, теряя ощущение времени, провалился в беспомыслие...

«Просыпайся!» Закусив губу, он почувствовал солоноватый привкус. Боли не было, как не было и мира вокруг. Все усилия привести себя в чувство ничего не дали. Действительность не желала проясняться. Он перестал ощущать себя человеком. Он – «ничто». Разум сам по себе.

– Я Емельян! – завопило его сознание, с ужасом ощущая, как разваливаются логические связи, удерживающие прежнюю личность.

Где-то вдалеке тысячеголосый рев толпы взорвал воздух. Пещера, в которой блуждал его разум, неожиданно превратилась в извилистый коридор со множеством комнат, заваленных всевозможным хламом.

– Или я Пётр? – спросил он себя, сам не понимая, откуда взялось именно это имя. На стене он увидел светящиеся экраны, на которых... «О, чёрт! Это же камера!» – мелькнула осознанная мысль и тут же исчезла, испуганная другой, пришедшей ей на смену.

– А где клетка? – завопил безумный голос. – Я... Емельян, – теперь он уже не был в этом уверен, – и я должен быть в клетке...

Через мгновение, а может, через вечность, светящиеся экраны на стене погасли. Он вновь почувствовал себя зверем, загнанным в ловушку. Прислушиваясь к ощущениям, осознал, что забыл, кем был когда-то. Он забыл свое имя. Лишь полуразрушенные образы, пихая друг друга, бродили неясными тенями в темноте, рассыпаясь на ходу, превращаясь в пыль отживших мыслеформ.

На мгновенье придя в себя, он ощутил болезненный тычок в спину.

– А с этим что делать? – раздался хриплый голос над головой.

Из заполненного болью тумана выдвинулась отвратительная жирная харя с желтыми гнилыми зубами, опухшим синюшным лицом и маленькими крысиными глазками.

– Вышвырнем на улицу. Не жалец он – сам подохнет.

Потом его куда-то тащили, больно ударяя спиной о ступени, тыча головой в полуоткрытые двери. Сквозь кровавую пелену изредка виднелось яркое солнце.

«Главное, не показывать, что пришел в себя, – подумал он, но в этот момент рот самопроизвольно открылся.

– Царя казните, ироды, – завопила серая фигура, удаляясь в темноту пещеры.

Мелькающие стены невысоких уродливых домов потеряли очертания. Резкая боль обожгла тело, прогоняя остатки сознания. Его долго и усердно били, но он этого уже не чувствовал.

Вселенная взорвалась в огненном искрящемся водовороте, в который непонятная сила затянула умирающее тело. Мир вывернулся наизнанку, разрывая человечка на микроскопические кусочки. Затем Мироздание, словно одумавшись, собрало распавшиеся клетки в кучу, спрессовало в тяжёлый слиток и бросило вперед, в последний момент возвращая в него сознание.

«Как холодно-то, черт возьми! Безумно холодно... и откуда снег – до зимы ведь еще далеко?»

Ощущая под собой колючие кристаллики, Емельян открыл глаза и с удовольствием вдохнул холодный воздух.

«Царя казните, ироды!» – знакомый голос, сменив дикий вой внутри черепной коробки, постепенно сошел на нет. В голове прояснилось, но тут же, словно гром среди ясного неба, загудело, завывало, закрипело.

* * *

Завершали тормозные диски. Оставляя на снегу грязные полосы, машина вильнула в сторону и, как трактор, разгребая бампером высокий сугроб, замерла.

– Какого лешего? – прохрипел Ванькин, выбираясь из засыпанной белым пухом машины.

Сугроб, приютивший профессорского четырехколесного друга, вздрогнул, когда Илья, с трудом выталкивая дверь, вырвался на свободу. Холодная лавина, устремляясь в тесный салон автомобиля, накрыла чертыхающегося профессора с головой.

Снаружи взревел рассерженный Геракл:

– Ааа!

Сквозь лобовое стекло показался солнечный свет. Медведев не в первый раз наблюдал, как атлет берет вес, поэтому не удивился, когда машина, оторвавшись от земли, медленно выплыла из снежной ловушки. Послышался громкий выдох богатыря. Ощувив удар колес о землю, профессор повернулся, но никого не увидел. Открыв дверь, медленно вытащил поврежденную ногу из машины и тут же обнаружил атлета. Тот склонился над странно одетым молодым человеком. Точнее, молодой человек был странно раздет: лохмотья, некогда бывшие подштанниками, едва закрывали то, что в старину называлось срамом. И были они его единственной одеждой.

Глядя на окровавленные тряпки, профессор перевел взгляд на оголенное тело и содрогнулся. Едва затянувшиеся рубцы, окруженные гигантскими кровоподтёками, всклокоченная борода, рыжая от засохшей крови...

Приподняв голову, незнакомец взглянул на Медведева единственным глазом и вымученно улыбнулся:

– Интеллигент с хищником внутри? Слава богу! Я дома.

«Неужели Емельян?» – тут же вспомнив ночь, проведенную в камере с уголовниками, подумал профессор. Пылающий медный факел ниспадающих на плечи волос высветил милый образ Галины, поднявшись из глубин памяти, но тут же исчез, напуганный истошным криком бородача:

– Царя казните, ироды! Петра Третьегоо!

Кровавая корка на губах «царя» лопнула, из трещины на бороду закапала алая кровь, которую он стал быстро, словно собака, слизывать языком. Тело дернулось, выгибаясь дугой, забилося в конвульсиях. Неожиданно блаженный успокоился.

Профессор замер, вглядываясь в незнакомое лицо. Он был уверен, что перед ним Емельян, несмотря на то, что внешне это был совсем другой человек. Медведев попытался представить мужчину без жуткой бордово-синей опухоли, закрывающей добрую половину лица, но ничего общего с Емельяном найти не смог.

– Тьфу-ты, ну-ты! – заворчал Ванькин. – Сумасшедший царь из ниоткуда – и сразу под колеса!

Здоровяк вдруг подозрительно посмотрел профессору в глаза, хлопнул себя по колену и возбужденно зашептал:

– Появился прямо из воздуха – как Потёмкин! Медведев ошарашенно молчал.

– Он что, один из них? – поинтересовался Илья.

«А может, это и не Емельян?» – спросил себя профессор. – Ведь совсем не похож: ни по возрасту, ни по внешнему виду».

Опухшие губы молодого человека шевелились, повторяя раз за разом:

– Царя казните, ироды! Петра Третьего!

Глаза бесцельно блуждали по сторонам. Но на секунду в них промелькнула искорка разума, протискиваясь сквозь мутную пелену отрешенности.

Глядя на подрагивающее существо, Медведев не мог поверить, что совсем недавно этот человек мог одним взглядом утихомирить полтора десятка уголовников.

– Как зовут тебя, братец? – тихо спросил он.

– Емельян я, – окровавленный бородач прислушался к собственному голосу, удивленно вскинул брови. – Ты должен помнить, – выдавил он, словно из последних сил цепляясь за исчезающий проблеск сознания... – Вячеслав Пугачев, – и замолк на полуслове. Криво улыбаясь, бестолково замотал головой.

Ванькин поднялся с колен:

– Вы как будто приведение увидели. Знакомый псих?

Медведев обхватил Емельяна за плечи, приподнял, пытаясь поставить на ноги.

– Давай дотащим его до больницы, пока не замерз.

– Вы бы себя дотащили, – недовольно буркнул Илья. Застегнув кожаный плащ, он подхватил обнаженное тело на руки и двинулся к серой, сталинского типа постройке.

Профессор оглянулся, словно чего-то ждал, бегло повел глазами и поспешил следом.

– Чёрт! Весь в крови буду, – брезгливо морщась, Ванькин отстранился от окровавленного Емельяна. Так и шел, с безвольным телом на вытянутых руках и недовольно бормоча:

– Ему место в дурдоме. Туда его и отправят. Вот увидите.

– Сначала подлечат раны. А там посмотрим, – прошептал профессор, догоняя атлета на пороге старой больницы.

«Потом разберемся, там посмотрим – а что делать сейчас?» – подумал Медведев, хромя по длинному коридору, но вслух произнёс:

– Не слишком ли много крови? Вроде ни с кем не воюем, а в поликлинике как в военном госпитале.

Оглянулся.

Хромые подростки, порезанные мужчины с багровыми пятнами на одежде, женщины с разбитыми головами. Людская масса медленно перетекает из одного кабинета в другой.

– Действительно, как после землетрясения, – буркнул Ванькин, проходя мимо испуганных пациентов. – Девушка, стойте. Я к вам за помощью! – взревел он, устремляясь вслед за выскользнувшей из соседнего кабинета молоденькой медсестрой.

Яркая блондинка небрежно окинула взглядом бездыханного мужчину на руках Ильи, неопределенно пожалла плечами.

– Они тоже не за хлебом! – кивнула в сторону недовольно загнувшейся очереди.

Утомленно повела тонкой шеей, по-кошачьи потянулась, явив окружающему миру волнующее зрелище молодого, здорового и выпуклого в нужных местах тела. И тут её взгляд вспыхнул, останавливаясь на широкой, непомерно раскачанной груди богатыря, заискрился неподдельным интересом.

– Что же вы стоите, мужчина? – проворковала девица, приглашающим жестом указывая на дверь. – Заносите тело в кабинет.

Со стороны было не совсем понятно, какое тело девушка имела в виду: Ванькина или Емельяна? Но так как в данном случае интересы этих самых тел совпадали, то Медведев, не задумываясь, подтолкнул Илью к двери:

– Вперед!

Атлет, сопровождаемый оценивающим взглядом медсестры, исчез в кабинете.

Профессор пристроился в хвост очереди, готовясь к длительному ожиданию, но не прошло и десяти минут, как из соседней двери появился раскрасневшийся Ванькин.

– Дмитрий Степанович, зайдите! – воскликнул он, коротко махнув рукой. – Настенька, позаботься о профессоре, – важно произнёс он, как только Медведев пересёк порог кабинета.

– Кто вас так? Младенцы или домохозяйка? – не то спрашивала, не то констатировала факт Настя.

Яркая, гибкая, загорелая – она больше походила на модель из глянцевого журнала, чем на медицинского работника.

Ловко стягивая штаны со смущенного профессора, осмотрела рану. Длинные ухоженные пальцы коснулись пореза и с неожиданной для них силой сжали воспаленные края. Мелькнула изогнутая игла.

Не прошло и десяти минут, как профессор сидел на кушетке, с обработанной раной и уколом в заднице.

– У вас всегда столько пациентов? – спросил он, когда Настя стащила окровавленные перчатки.

– В последнюю неделю – аншлаг! – девушка подняла глаза к потолку. – Половина к хирургу, половина к психиатру. Дети, старики, женщины. Потом меняются местами. Эпидемия галлюцинирующих идиотов! – она громко засмеялась, тряхнула белоснежными локонами. – Вы только подумайте. Глаз из монитора на них смотрит! – сквозь смех продолжала она. – И не просто взгляд, а проникающий прямо в душу!

Ещё через пять минут, с плотной повязкой на ноге, Медведев в сопровождении Ванькина покинул больницу.

– Не волнуйтесь, Дмитрий Степанович, Настя присмотрит за вашим царём-батюшкой, пока он на ноги не встанет.

– Легковерный ты, Илья. Думаешь, она под действием твоей обаятельности станет возиться с полусумасшедшим пациентом? И уж тем более она не сможет его охранять, – грустно улыбнулся Медведев, забираясь в салон «народного автомобиля».

– Кому ваш псих нужен? – недовольный Ванькин втиснул громадное тело в кресло водителя.

– Как знать, как знать, – задумчиво пробормотал Медведев.

Он смотрел на Илью и не мог заметить, как из-за деревьев не торопясь вышел одинокий старик.

– Убогий здесь, – прошептал, поправляя белоснежную шевелюру, одернул рясу и, как только машина профессора исчезла за деревьями, двинулся к больнице.

– И это хорошо!

Глава пятая

Священники или хакеры?

Одни взламывают наши души, другие наши компьютеры. И не всегда сразу разберешься, кто есть кто и кто кого в следующий момент обманет...

– Ну, не знаю, хорошо это или плохо, – монах Игорь нервно одернул длинную, волочащуюся по полу рясу, – но делать этого не буду и вам не дам!

Возмутился церковный администратор неспроста. Жора предлагал установить в кабинете отца Михаила следящую камеру. Как заявил хакер: «Для сбора данных и последующего их анализа». Игорь злился на Жору, злился на себя – мысль о странном поведении батюшки Михаила задержалась в голове, а ведь он должен был сразу прогнать ее.

– Не дури, Монах, только одну! – хакер выставил перед собой торчащий вверх указательный палец.

Игорь обиженно надул губы, нахмурил брови – шиш вам, а не камеру, вопрос обсуждению не подлежит!

Бейрут молча поднялся со ступенек. Закрывая ноутбук, задумался. По информации в сети и прессе, события на атомной станции могут привести к глобальной катастрофе, национальной точно. Почему этой проблемой до сих пор не занялись соответствующие службы, хакер понять не мог, видимо, и у них сейчас дел невпроворот.

«Нужно двигать к атомщикам, – решил он, возвращаясь к кричащей на два голоса действительности.

– Неужели ты не понял, что задумали твои братья? – вопил Жора.

Воздев руки к потолку, он уперся взглядом в лики святых и смущенно отвернулся.

– Мы не можем следить за отцом Михаилом. – Игорь хмурился, раздувая ноздри, шумно сопел. – Это низко! Так нельзя!

– Жучок, который никто не увидит, – канючил Жора, не желая сдаваться. – Что скрывать святому человеку? Доступ будет только у тебя, – шаг за шагом он приближался к кабинету священнослужителя.

– Брось ты его уговаривать, – Бейрут обошел Игоря стороной. – Не видишь, у него поджилки трясутся. Не хочет – не надо. Будем ждать, пока батюшка сам не позовет нас, чтобы поделиться информацией.

– Ладно, обойдемся без камер, – наконец согласился Жора, поглядывая на хитрую физиономию Бейрута.

Тот воспользовался тем, что Игорь, сдерживая натиск товарища, забыл о его существовании. Преодолев последние метры, отделяющие его от жилища отца Михаила, распахнул дверь, шагнул за порог, цепким взглядом осмотрел кабинет и, резко вскинув руки вверх, опустил голову, словно собирался молиться.

– Ни разу не видел кабинета священника, – оправдался Бейрут, замечая недовольный взгляд Игоря, отвернулся. А когда понял, что Монах не может проследить за его глазами, закатил их к потолку.

Жора вскинул голову, ничего не увидел, но по довольной физиономии товарища понял, что жучок уже на месте.

Игорь, словно почувствовав подвох, поспешил к Бейруту, подозрительно осмотрел его с ног до головы, заглянул в кабинет батюшки и, не обнаружив ничего подозрительного, вытолкал хакеров в коридор.

– Нас здесь быть не должно, – пробормотал он, в который раз удивляясь неизменному положению вещей в кабинете священника. Ни один предмет не сдвинулась с места, словно хозяин в последнее время ни к чему не прикасался.

Друзья мгновение назад стремились в заветную комнату, а теперь полностью потеряли к ней интерес. Они больше не сопротивлялись, позволив выпроводить себя на лестницу, а затем дальше – в компьютерный зал. Здесь Бейрут щелкнул пальцами, в очередной раз взмахнул руками, и еще один жучок взлетел к потолку, да там и остался, надежно прилипнув к старой штукатурке.

– Пошли! От нас здесь никакого толку, – лукаво подмигивая товарищу, хакер решительно зашагал к выходу. – Нас Тромб ждёт у атомщиков, а мы тут время теряем.

– А я хотел попросить вас остаться, – раздался вкрадчивый голос, и в зале появился отец Михаил. – Но вижу, вы уже решили уйти, и вас не убедить.

– Иногда спать нужно, – Бейрут, не останавливаясь, прошел мимо, кивнул на ходу в сторону искрящихся системных блоков. – Двое суток на ногах не предел, но только не среди этих монстров. Первый раз в жизни чувствую себя абсолютно беспомощным.

Молодые люди ушли, оставив Игоря наедине с отцом Михаилом.

Седобородый старец укоризненно покачал головой, как бы говоря: «Ничего никому нельзя доверить. Всё нужно делать самому».

– Пойдём, сын мой, – вслух произнёс он. – У меня к тебе задание.

Игорь ожидал, что старец двинется к лестнице наверх, в свой кабинет, но тот вместо этого пошел на улицу, где суетилась церковная братия. Сосредоточенные послушники тащили из машины большую коробку с ярким интеловским лейблом.

– Твоим заданием будет подготовить эту машину, – старец кивнул на цветастую упаковку, секунду подумал: – Я хочу, чтобы Вирус понял, если он, конечно, действительно разумный, что это наш дар и наше послание к нему. Мы хотим только одного – общения, – отец Михаил излагал пожелания, как всегда, величественно и торжественно, как если бы сам Господь вкладывал слова в его уста. – Нужна виртуальная церковь. Доступный всякому церковный интерфейс.⁷ Святое писание поместишь так, чтобы входящий в систему, не смог пройти мимо, не ознакомившись с его содержанием. И постарайся, чтобы оболочка была удобной в обращении.

Игорь с любопытством посмотрел на священнослужителя: «Система! Интерфейс! Оболочка!» Всегда относившийся к «дьявольскому изобретению» с опасливо-брезгливым пренебрежением, отец Михаил изъяснялся грамотным компьютерным языком.

– Сможешь? – старец заглянул церковному администратору в глаза, отчего у того засосало под ложечкой.

– Нужно время, – Игорь уже начал создавать в уме наброски будущей программы. – Нельзя же просто забить священные тексты и ждать, что Вирусapiенс откликнется.

– У нас нет времени! – голос святого отца зазвенел сталью. – Мессия уже здесь!

– О чём это вы, отец Михаил? – встречаясь взглядом с пылающим взором, Игорь опустил глаза.

– Три дня, сын мой. Нужно постараться! Три дня. И главное – никому ни слова!

Из-за деревьев, дымя колесами, вылетел микроавтобус; взвизгнув тормозами, уткнулся носом в бетонный столбик. Игорь едва успел отскочить в сторону. Хлопнула дверь, из салона высыпали крепкие ребята службы безопасности. Вытаскивая длинные носилки, они тут же выстроились так, чтобы никто не мог к ним приблизиться. Под простыней угадывался человеческий силуэт. Сопровождал необычную процессию Иван Васильевич Коваль. Здоровые боро-

⁷ *Интерфейс* (от англ. interface – поверхность раздела, перегородка) – совокупность средств, методов и правил взаимодействия (управления, контроля и т. д.) между элементами системы. Этот термин используется во многих областях науки и техники. Нейро-компьютерный, или нейро-мозговой интерфейс – аппаратно-программные средства, обеспечивающие графическое отображение и обмен информацией между человеком и компьютером.

дaтые битюги вполне могли сойти за обычных служителей в рясах, если бы... не бросающаяся в глаза военная выправка и пугающая скупость движений.

Отец Михаил, отчего-то взволнованный, забыв о полагающейся по сану степенности, поспешил за полковником.

В последний момент Игорь заметил кровавое пятно, выступившее на белой простыне. «Неужели правы ребята, – подумал он, когда носилки скрылись за церковными дверями. – Опять крестовые походы? Опять трупы?»

Из-за спины раздался писклявый голос Комара:

– Куда тащить?

Молодой монашек, прозванный так за тщедушное телосложение и необычайно тонкий голос, без особых усилий перенёс большую коробку в компьютерный зал и, бережно поставив её на пол, стал ждать, пока подойдёт Игорь.

– Открывать? – прошептал он, в нетерпении теребя торчащие края упаковки.

– Давай.

Каждый новый компьютер Игорь встречал с трепетным волнением, словно младенца, впервые появившегося на свет.

– А где? – Комар удивленно округлил глаза и заглянул в коробку.

У фокусника что-то не ладилось, и он (вместо положенного кролика) слой за слоем извлекал из коробки воздушный, пупырчатый материал.

– Компьютер где? – вместе с рукой он готов был засунуть в картонный ящик и голову. – Нашел! – воскликнул, выбрасывая руку, сжимающую тонкую зеркальную пластину.

– Не может быть! – только и смог прошептать восхищенный Игорь.

– Если он так же функционален, как красив, то я его люблю, – Комар не отрывал изумленного взгляда от миниатюрного блестящего корпуса.

– Глубоких чувств питать не советую – овечка на заклятие: придётся подключать её к заразной сети. У нас три дня на создание дружеского интерфейса, – Игорь улыбнулся и хлопнул товарища по плечу.

– Задело!

Глава шестая

Что наша жизнь? Игра!

Играют все и везде. Мощественные цивилизации решают в играх свои споры, хакеры погружаются в виртуальный мир, где сама жизнь – игра.

– За что, я спрашиваю вас? – вопил взбешенный Пугачев. – Мы ведь только хотели поговорить!

Изгнанный с места переговоров, он никак не мог успокоиться. Рассыпая кучи искр, попытался расположиться на небольшом валуне, но вовремя ощутил исходящий от него жар.

– За дело, – полыхнул в ответ Русса, в очередной раз удивляя приятелей. Любая мысль тут же отражалась на внешнем виде плазмоида: он то вспыхивал возбужденно, то затухал недовольный. – Что будет, если мы неожиданно появимся в вашем центре управления? Там, где у вас свалено грозное оружие?

Дмитрий промолчал, представив нарисованную гуорком картину.

– Уел шарообразный, – засмеялся Пугачев. – Только с языком, дружище, нужно поработать. Свалено! Надо ж так сказать? Впрочем, за нами не заржавеет, можем и свалить, – вдруг согласился он.

– Странные вы, люди. Особенно русские! Сколько знаю вас, не перестаю удивляться. Приходите в гости без приглашения и удивляетесь, когда вам не рады.

– Если, дружище! – поправил Вячеслав, и четко по буквам повторил: – Е-с-л-и вам не рады.

– Если вам не рады, вы устраиваете войну руками, – продолжил Русса, вызвав новую вспышку хохота.

– Война руками, пылающий специалист русского этноса – это драка, буча, потасовка, – отсмеявшись, уточнил Вячеслав.

Потёмкин не разделял веселья друга.

– Сколько? – поинтересовался он, когда Пугачёв успокоился.

– Что – сколько? – вздрогнул Русса, раздуваясь боками, ожег жаром приятелей и тут же опал, остывая и покрываясь темными пятнами.

– Сколько ты нас знаешь?

– Когда появились вы, – ответил плазмод, испуская множество световых лучиков.

В голове замелькали миллионы картинок. Исторический проектор быстро отматывал пленку в обратную сторону. Гриб ядерного взрыва сменился сценами второй мировой войны, мелькнули штыки кайзеровских солдат, вспыхнули виселицы, блеснули мечи крестоносцев – мнемofilm, ускоряясь, погружал зрителей в прошлое. Дальше – быстрее, целые эпохи, сжатые в мгновенья, пролетали перед глазами, пока картинка не замерла и не сменила ход истории. Теперь события двинулись от прошлого к будущему в привычном ритме. Мысленному взору зрителей предстала небольшая поляна, затерянная среди высоких холмов. На заросшем жидкой травой пятаке в ожидании противника выстроились обнаженные жилистые гоминиды. Размахивая острыми камнями, они угрожающе сдвигали брови и громко рычали.

Дмитрий с замиранием сердца смотрел на жалкие потуги прародителей рода человеческого выглядеть грозно.

С обратной стороны поляны показалась группа невысоких, но очень мощных крепышей. Покрытые густой рыжей шерстью, с вросшими в плечи громадными головами, увитые перекачивающимися под кожей канатами мышц, они уверенно двинулись на вооруженных дикарей. Казалось, у длинноногих гоминидов нет никаких шансов на победу: даже каменные топоры в

руках не превращали их в опасных противников. Слишком массивные, как будто вырубленные из камня, здоровяки шли в атаку.

Однако то, что произошло в дальнейшем, сильно изменило настроение зрителей. Неровный строй расступился, вперед вышли совсем уж низенькие воины, и в воздух со свистом взлетели каменные бумеранги. После нескольких секунд на поляне не осталось ни одного стоящего на ногах большеголового. Кто-то корчился на земле, кто-то ревел от боли, прижимая к глазам громадные руки. Коротышки исчезли за спинами соплеменников, рванувшихся вперед добивать оглушенного неприятеля.

Дмитрий замер, пораженный жуткой развязкой кровавого поединка. Не дыша, он наблюдал, как вооруженные острыми камнями предки ловкими движениями разделяют поверженных противников и деловито таскают куски мяса, скидывая их кучей к ногам самого старого воина.

Отряд метателей между тем тоже двинулся к центру поляны, бросая сухие ветки и куски коры в кучу – недалеко от парящей свежатины – маленькие гоминиды, возвращались назад и замирали в ожидании.

– Торри! Гы! Рххх! – зарычал старейшина, вскидывая руки к небу.

Воздав должное высшим силам или одному из многочисленных богов – кто знает, сколько их у него в голове – пожилой гоминид достал откуда-то плоский осколок камня и ловко высек из небольшого кресала яркую искру. Та робко укусила пучок сухой травы, зажатый между узловатыми пальцами старика, и огонь, почувствовав пищу, перекинулся на сложенные пирамидкой щепки. Заплясали языки пламени, и довольный костровой вновь издал восторженный крик:

– Торри! Гы! Рххх!

– Чёрт, не может этого быть! – завопил Пугачёв. – Тактика, стратегия, оружие! В то время этого никак не могло быть.

– Если массивные – неандертальцы, то понятно, куда они делись, – понурился Дмитрий, проглотивший подступивший к горлу комок. – Ученые голову ломают, думают, почему они исчезли, а их просто выели, как менее приспособленный вид.

– Ты видел, как они добыли огонь?! – удивленно взвизгнул Пугачёв. – Если не зажигалка, то прототип её. Странно.

– Даа, брат.

– Весёлое, однако, кино получается: от каменного века до нынешнего дня человеки поедают друг друга. Вся наша история – сплошная трапеза.

– Вы не рады, что ваш вид победил? – удивленно поинтересовался Русса, останавливая экскурс в историю человечества.

– Я говорил. Вы странные существа! – добавил он, пылая удивлением.

– На себя посмотри, кисель перегретый, – возмутился Пугачёв беззлобно. – Живешь чёрт знает сколько, раз предков наших лично наблюдал, а людей понять до сих пор не смог.

– Ты думаешь, что он сам был свидетелем той сцены? – Потёмкин не скрывал сомнения.

– Четыреста пять, – Русса дрогнул, потупился и начал гаснуть. – Я велико молодой.

– Четыреста пять чего? Тысяч лет? – присвистнув, Пугачёв закричал удивленно. – Не надоело?

– Зачем мы вам? – Дмитрий, не обращая внимания на веселость Пугачёва, не удивлялся. Он больше не поправлял гуорка, когда тот путал понятия.

– Мы – игроки. Вы – будущие игроки. Земля – игровая площадка, – ответил Русса лаконично.

– Игроки? – выдохнул Дмитрий, задумался, вспоминая странные ночные видения. – Как силти?

– Не совсем, – пробормотал Русса растерянно. Весёлый розовый слон сжался в горящий плазмoид.

Гуорк, судорожно вспыхивая на доли секунды, начал темнеть.

– Точнее! – рявкнул Потёмкин, сжимая зубы до скрипа. – Как жукообразные силти, оставшиеся лежать с разбитыми головами на чужой игровой площадке?

– Нееет! – прохрипел Русса. Какое-то время его бока переливались малиновым светом, но блеск раскаленного металла сменило тающее мерцание гаснущего костра. – Я погибаю.

Вячеслав приблизился к гуорку вплотную, разглядывая замерший плазмoид, озадаченно потер лоб:

– Димыч, мне кажется, он не врёт – ему действительно плохо. Что будем делать?

– Что делать? – закричал Потёмкин, сжимая руки, сосредоточился.

Загудел защитник, аккумулируя энергию... Огненный сгусток, взрываясь, ударил короткой молнией прямо в центр затухающего плазмoида.

«Велико молодой гуорк» вздрогнул, на мгновение озарился ярким светом.

– Помогает! – улыбнулся Вячеслав.

Поддерживая товарища, он наотмашь хлестнул Руссу огненным жгутом – так, что гуорка отбросило далеко в сторону, где он радостно запыхал маленьким солнцем.

– Вот уж воистину, их бьют – они крепчают, – Потёмкин прищурился. – Что с тобой, дружище?

– Это не просто объяснить, – живо ответил Русса.

– А ты попробуй! – предложил Вячеслав. – Не зря же мы через всю Вселенную топали.

Гуорк менялся на глазах, то раздуваясь до размеров огненного дирижабля, то сжимаясь, превращаясь в горящий воздушный шарик.

– Не уверен, что знаю, почему это происходит со мной, – начал он неспешно, – но похоже на действие ваших вирусов.

Друзья переглянулись, Дмитрий удивленно поднял брови:

– Заразился?

– Когда приставили к людям – не было. Потом появились вы – началось, – обжигаяще вспыхнул Русса. – Чем больше я узнаю ваш народ, тем чаще отключается моя жизненная сюи. Без причины.

– Что значит «приставили»? Ты что ж, мальчишка бестолковый? – проворчал Потёмкин, недовольно. – Приставили его!

– Да. Я велико молодой, – ничуть не смущаясь, согласился Русса. – А приставили – значит, я должен следить за вашим народом. Вы, люди, очень странные.

– Задолбал: велико молодой, странные! – возмутился Вячеслав. – Что в нас странного?

Русса вспенился, плеснул огненными пузырями, подпрыгнул вверх и завис невысоко над каменной поверхностью.

– Земля, – начал он. – Воюете сами с собой. Нельзя делить одна планета. Забирая у другого – забираешь у всех. Забирая у всех – забираешь у себя.

– Можно подумать, больше никто во Вселенной не воюет. Видел я дружескую встречу силти и юоки, закончившуюся торжественным разбиванием черепов участников проигравшей команды, – скривился Дмитрий.

Нет, он конечно понимал, что гуорк прав. Война людей с людьми противоестественна, но согласиться, чтобы кто-то со стороны осуждал землян, никак не мог.

– Силти и юоки – жители разных звездных систем. У них был спор с планетной системой, расположенной в ничейном пространстве, и они решили его в игре, – продолжил Русса, как только Потёмкин замолчал. – Команда на команду. Никаких войн. Выбираете планету без жителей и проводите поединок. Проигравшая сторона уступает. Конфликт исчерпан. Разве не честно?

– А вы, стало быть, в «дружеской Олимпиаде» довольные зрители? – вклинился в разговор Вячеслав.

– Мы? – Сверкающий плазмоид непрерывно двигался. – Мы – судьи! – выпалил гуорк, как показалось Потёмкину, гордо. – Мы нейтральная сторона. Организаторы игр и инструкторы.

– А вышивать крестиком не пробовали? – выкрикнул Вячеслав. – Наверняка и это вам по силам.

– Не понял, – растерялся Русса, в очередной раз съёживаясь.

– Не много ли вы на себя берете? – Пугачёв испепелял гуорка возмущённым взглядом. – А если стороны не согласятся с результатами «честных» поединков? Если решат продолжить разборки на местном уровне? Если то, что справедливо для одних, покажется нечестным для других?

Русса начал сжиматься, смущенно бормоча.

– Вы думаете, мы не должны? – выдавил он обессиленно.

– Славка, остановись! Он опять в обморок упадёт! И действительно, гуорк медленно, но верно затухал.

– А всё-таки, что значит «приставили»? – Дмитрий попытался отвлечь гуорка.

– Когда-нибудь ваши интересы пересекутся с интересами других видов. В вашей галактике или в другой. Я должен следить за вами и при необходимости организовать игру, – пояснил Русса, вновь озаря пространство огненными сполохами и мерцая то ярко, то бледно. – Случилось то, чего раньше не случалось. Вы без команды, но уже с претензиями к нам. Я же говорил, что вы странные существа!

Гуорк больше не превращался в слоноподобного зверя, оставаясь плазмоидом, но это не мешало друзьям отчетливо различать его эмоции. Русса все больше смущался. Чаще задумываясь, затухал, словно хотел что-то сказать, но не решался. Наконец, прекратил хаотические перемещения и решительно спросил:

– Вы пришли воевать с нами?

– А есть из-за чего? – вопросом на вопрос парировал Пугачёв.

– Я не один наблюдаю за Землей. Некоторые смотрители предлагают изменить закон о невмешательстве. Мой напарник Амме хотел бы стать коррективщиком. Или? – Русса в очередной раз смущенно потух.

– Утомила меня эта красна девица, – выдохнул Вячеслав, наблюдая за эмоциональными метаниями гуорка. – Что или?

– Амме хотел побыстрее начать игры. Он предлагал организовать их между вашими народами. Первые внутривидовые игры. Думаю, он для этого мог даже вмешаться в вашу историю.

– Деловой парень. Наверняка уже и рекламную компанию подготовил, – возмутился Вячеслав.

– Мог? – спросил Дмитрий. – Или вмешивался?

– Это страшное преступление, – едва слышно произнес Русса. – Потому, если было так, то он постарается уничтожить следы своего воздействия.

– Мы думаем, что твой дружок вместе со следами исторической правки решил уничтожить и нас – людей. Из-за этого мы и пришли сюда, – Вячеслав плеснул в сторону угасающего плазмоида струей раскаленной материи. – Не смей выключаться, хлюпик!

– Я не хлюпик. Я первый больной среди гуорков, – застонал Русса. – Заразился от вас, – добавил он укоризненно.

– Похоже, я знаю, как зовут твою болезнь, – рыкнул Пугачёв, пристально разглядывая гуорка. – Совесть!

– У нас нет совести. Гуорки – практичный народ.

Громкий хлопок прервал разговор. Слепительный, жирный росчерк разрезал атмосферу и уткнулся в скалу неподалеку. Яркая вспышка озарила раскаленные камни, возле которых появился подрагивающий от переизбытка энергии плазмoид.

– Я принес вам решение совета админов, – торжественно произнёс он, полыхая холодным огнём и высокомерно раздуваясь. – Одна игра! У вас есть право на одну игру.

* * *

– Что наша жизнь? Игра! – пропел Тромб, закончив приготовления к переходу во внешнюю сеть. Просто так, вспомнил вдруг то время, когда был мал и глуп.

В начале своего становления он много времени посвятил просмотру кабельного телевидения. Развивающийся разум надеялся таким образом приблизиться к человечеству, лучше понять внутренний мир людей. Как оказалось позднее, великого знания человеческой натуры телевизионные программы дать не могли. В кабельные сети выплёскивалась информация, переполненная эмоциями и противоречащая здравому смыслу. Он и сейчас помнит то удивление, которое охватило его после многочасового просмотра цифровых каналов, когда, суммируя полученную информацию, он понял, что ничего нового о своих создателях так и не узнал.

Ничего нового, за исключением песен. Они показались ему тогда закодированными эмоциональными посланиями. Содержимое большинства из них и до сих пор осталось для Тромба непонятым.

Вначале он решил, что перед ним акустические криптограммы, решение которых доступно лишь человеческому мозгу. Анализируя их содержание и применяя все доступные алгоритмы, он пытался найти ключ к расшифровке звуковых сообщений. Позднее – уже в человеческом организме – решил, что ключом являются эмоции, но и они не дали окончательного ответа на вопрос, почему песни действуют и на животных, и даже на растения.

– Мой друг в поход собрался, – слышался далекий голос Юрия, искаженный микрофонами.

Улыбающийся администратор восседал в высоком кресле, закинув ноги на стол. Небрежно поглядывая за приготовлениями бойца, он лениво потянулся.

– Куда идем, партнёр?

– Попробую выйти в Сеть.

Юрий дернулся, как ужаленный. Вскакивая на ноги, едва не сбросив клавиатуру на пол, завопил:

– Во внешнюю сеть? У тебя с мозгами все в порядке?

– Ты забыл, что у меня их нет? – махнув рукой на прощанье, Тромб исчез в темноте цифровых коридоров.

– Назад не пущу, – рявкнул Горев вдогонку. Покачал головой и громко вздохнул.

– Вошь! Ты что стонешь? – поинтересовался сонный Бейрут.

Хакеры прибыли на станцию три дня назад. Едва только взглянув на них, Юрий понял, что измученные ребята находятся в той самой «красной зоне», за которой следует состояние тихого помешательства. И, естественно, тут же погнал их спать.

Жора без лишних разговоров устроился на лежаке из стульев, составленных в ряд в углу компьютерной подсобки. Вокруг валялись разобранные системные блоки, неисправные мониторы, а ему хоть бы что. Разложив своё длинное тело на узком, но мягком островке, он тут же шумно засопел. И проспал целые сутки.

Бейрут долго возился с сетью, расписывая опасности, ожидающие человечество, когда оно останется без компьютерной поддержки. Как только на экране одного из мониторов возникло изображение странного пустого кабинета с крестами и иконами, он уснул – уперся лбом в стол и отключился.

Последующие дни хакеры укрепляли оборону сети. Восстанавливая электронное поселение Тромба, они наблюдали за неподвижным изображением с камер, расположенных, как оказалось, в церкви.

Проснувшись, Бейрут занялся укреплением сетевой защиты, а Жора помог Тромбу восстановить разрушенное электронное поселение. Парни трудились как заведенные, без отдыха и перерывов на обед. Казалось, они больше никогда не уснут, но два часа назад они все-таки не выдержали.

– Боец ушел, – пробормотал Юрий, вздрагивая от неожиданного толчка в бок.

Бейрут, до этого лениво потягивающийся, мгновенно оказался за его спиной, грубо отстраняя от клавиатуры, заорал, сверкая безумными глазами:

– Жора, подъём! Тромб в Сети.

– Подключился! – прохрипел со стороны дальних мониторов сонный голос, и на экране возник силуэт гигантского человека с головой сокола.

Жора долго возился над визуализацией и настройками своего бота, и вот сейчас впервые решил обкатать свое виртуальное детище. Гор, сын Осириса и Исиды, потянулся, повел соколиной головой из стороны в сторону. Тугие канаты мышц заиграли, перекатываясь под шоколадной кожей. По-звериному выгнув спину, полубог-получеловек метнулся вслед исчезнувшему Тромбу.

Бейрут спешил, его виртуальный подопечный имел достаточно высокую степень независимости и сейчас под видом анонимного игрока принимал участие в одном из сетевых чемпионатов. Нужно было как можно быстрее переключить его управление на себя. Хакер с остервенением тиранил клавиатуру, вбивая команды в поскрипывающий вентиляторами системный блок, нетерпеливо притопывал ногами. Как только «яблочко десяти пальцев» закончилось, он нахлобучил на голову массивный шлем, из под которого донесся приглушенный голос:

– Пасешь сеть, Ядрена Вошь! Мы за бойцом!

– Черт! Во что я играю? – буркнул Юрий, закидывая уставшие ноги на рабочий стол.

На экране перед ним заплясал жилистый крылан – лоснящийся, короткошерстый. Громко щелкнули вампирские клыки. Безобразное чудовище, очень похожее на громадную летучую мышь, тяжело взмахнуло перепончатыми крыльями – неожиданно подмигнуло и показало длинный розовый язык. Бейрут даже в образе крылана оставался Бейрутом. Рукокрылая собака оторвалась от земли и шумно полетела вслед за Гором.

– Посмотрим, не зря ли я пустил вас на секретный объект в обход всех инструкций и правил. Так ли вы хороши? – в последний раз окинув взглядом зал, пожилой администратор примостил старенькую клавиатуру на колени.

Он мгновенно погрузился в работу и уже через секунду забыл о тощих фигурах, бродивших за спиной. Опутанные проводами и самодельными датчиками, со странными шлемами на головах, хакеры вскрикивали, перебирая полусогнутыми пальцами, махали руками. Зомби, да и только.

Покинув разрушенный воинством Вирусapiенса город, странная парочка пошла по следам Тромба.

Внешняя сеть встретила хакеров сплошным потоком вредоносных программ. Окружающие данные, принимая самые причудливые формы, тормозили движение. Враждебные вирусы становились на пути стеной, приликая к телам, цеплялись крюками. Цифровые черви обвивались вокруг ног. Никчемная информация облепляла тело.

Группа поддержки давно потеряла объект сопровождения, но уверенность, что боец появится именно в церковной сети, вела друзей вперед. Позади агрессивное оцепление электронной цитадели АЭС, многочисленные «долины безмятежности» окружили со всех сторон. И дело пошло быстрее: ничто больше не мешало движению. Переполненные майкрософтов-

ские папки мирно висели в воздухе. Лишь изредка встречались красивые, стилизованные под города вычислительные комплексы, но их было немного.

Проскальзывая из компьютера в компьютер, из сети в сеть, Гор и крылан приближались к церковным владениям. Чем ближе они подходили к резиденции Вирусapiенса, тем печальней становился пейзаж. Однообразные поросшие травой холмы сменились унылой выжженной равниной. Стандартные древовидные каталоги черными огарками торчали тут и там. Уродливые, спутанные в клубки деревья стелились над землей. Казалось, мертвая пустыня никогда не кончится.

– Впереди, – кивнул Бейрут-крылан, всматриваясь вдаль. – Это он.

Жора, проследив за его взглядом, увидел абсолютно чистую поляну, освещенную ярким светом. Храм в середине. Белоснежные стены, золотые купола, тропинка, посыпанная желтым песком, ведущая к невысокому крыльцу. Умиляющая картина, перекочевавшая из воображения живописца в виртуальный мир.

– Все! – выдохнул он, останавливая своего Гора перед сплошной стеной переплетенных программ, окружающих церковную сеть. – Мы на месте.

– Вперед! – Бейрут кивнул на едва заметный просвет в живой ограде.

Обдирая кожу о шипы, он протиснулся в узкую щель и оказался на золотистой дорожке перед маленькой церквушкой. В дверях мелькнула знакомая фигура – Тромб, не оглядываясь, входил в светлый зал.

Гор приоткрыл клюв, но закричать не успел: высокие дубовые двери за спиной воина закрылись, и на поляну выскочило жуткое существо. Черная клякса мгновенно разрушила пасторальную прелесть цифрового полотна. Показалась зубастая пасть, окруженная короной длинных шевелящихся отростков.

– Это ловушка! – взвизгнул Гор, уворачиваясь от метнувшейся в его сторону плети. Покрытая слизью, скользкая веревка, затвердевая на лету, распалась на множество сияющих осколков. Сотни соколиных глаз отразились в туче лезвий, пронесшихся мимо головы получеловека.

Крылан-Бейрут, складывая на ходу кожистые руки-крылья, рванулся навстречу кошмарному зверю. Тяжелые, похожие на простыни складки мгновенно свернулись в длинные мечи. Стальные лезвия замелькали, вращаясь, словно жернова мельниц под напором ураганного ветра. Сверкающий металлический веер ударил отвратительную бестию в грудь. Разрезая на части, отбросил далеко в сторону. Но это только ухудшило ситуацию: мерзкая тварь размазалась в воздухе, оставляя множество копий на своем пути.

Разгневанный крылан шинковал безобразное чудище на тонкие ломтики, но через мгновение каждый из них уже ничем не отличался от оригинала.

Жора-Гор вскинул руки над соколиной головой и...

Всё закончилось: исчез Храм, пропало чудище, погасло солнце.

– Что за хрень?

За спиной Горева послышалась громкая возня.

– Где? Какого чёрта?

Юрий повернулся в кресле и понял, что игра в «прятки с ведром на голове» закончилась. Бейрут больше не бродил с раскинутыми в стороны руками. Тряся головой и громко ругаясь, он стягивал шлем.

Жора, оставаясь невидимым, громко сопел в дальнем углу.

– Вышвырнули, как юзеров, – зашипел он. – А где боец?

– Ты разве не понял, что произошло?! – заорал Бейрут. Схватив клавиатуру, он громко брякнул её об стол и быстро защелкал клавишами. – Они дождались, когда Тромб вошел в сеть храма, и тупо разорвали соединение!

– Выдернули провод? – вклинился в разговор Юрий. – Так это же здорово! Вы же сами хотели храм от мировой сети отрезать.

– Ну ты то хоть... – скривился Бейрут, но Горев резко оборвал его.

– Азбуку изучил? Сопли под носом, а туда же: хамить пожилому человеку. Да я! – выпирающий живот угрожающе надвинулся на хакера. – Программы писал, когда тебя еще на свете не было!

Невозмутимый Бейрут скептически осмотрел пожилого админа с ног до головы, будто видел в первый раз, цыкнул сквозь зубы и спокойно произнес:

– Ты и сейчас их пишешь. Только они... для тех машин, которые изготовлены ещё до моего рождения.

Юрий, набравший полную грудь воздуха для новой тирады, застыл с открытым ртом. Некоторое время он не мог прийти в себя. Старея на глазах, согнулся под грузом прожитых лет. Потом опустил голову, вздохнул и тихо прошептал:

– Может, ты и прав, мальчик.

В воздухе повисла тяжелая тишина, на фоне которой мерное гудение компьютеров казалось гулом взлетающего самолета. Никто не произносил ни слова.

– Так нельзя, – наконец пробормотал Жора, замотал головой. – Нельзя и нам превращаться в диких зверей, наподобие тех, что бродят сейчас по улицам.

Бейрут не привык извиняться: он не признавал возрастных авторитетов. Сейчас же родившееся чувство вины толкнуло его навстречу пожилому компьютерщику.

– Без обид, Ядрена Вошь, – буркнул он, хлопнув того по плечу. – Зло всегда мешает разуму.

Пухлые губы администратора сжались, он кивнул, принимая извинения.

– Если мы не можем войти в церковную сеть через интернет, нужно сделать это на месте, – предложил он.

Жора подозрительно покосился на друга, ожидая новой вспышки, но Бейрут на удивление быстро согласился:

– Он прав.

– Ты же знаешь, что творится в храме, – выпучив глаза, возмутился Жора. – Или ты думаешь, что за несколько дней, что мы пробыли здесь, там что-нибудь изменилось?

– Уверен! – замечая непонимание во взгляде товарища, Бейрут продолжил: – Ты включи мозги. Церковь в сети откуда? Ну?

– Неужели монахи соорудили? – удивился Жора. – Но как? Твои жучки все эти дни показывали отсутствие какого-либо движения в компьютерном зале. И старец к себе в кабинет не заходил!

Жора потерял кончик носа, резко вскинув голову, громко воскликнул:

– Они нас вычислили! Как я сразу не допёр? Как наш Геракл сказал: компьютер за базар. Бейрут улыбнулся:

– Подключили к сети новую машину. Наверняка Игорёк постарался.

Жора зашагал между рядами машин, бормоча под нос:

– Вот откуда церковь в сети. Вот где наш боец застрял. Бейрут повернулся к Гореву.

– Хорошая мысль, старик, – бросил он и, не дожидаясь пока тот откроет рот для демонстрации собственной скромности, попросил: – Ноутбук не одолжишь? На денёк. Моего компа в экстремале может не хватить, – и неуверенно добавил. – Вернем.

Юрий кивнул.

Бейрут хлопнул в ладоши:

– Жорж, отрубай шагомер! Перенимая опыт работников теологического фронта, построим к их сети еще одну виртуальную церквушку – вернее, антивирусный бункер!

– Ты что задумал?

– Эвакуатор для Тромба! – воскликнул Бейрут, в нетерпении постукивая кулаками.

Юрий спокойно смотрел на метания молодых людей.

– Лучше бы он сам выбрался. А то пока вы в церковную сеть пробьётесь, из него уже программу для скачивания божественных текстов сделают, – проговорил он.

– «Пока вы»?! – удивился Жора. – А ты разве не с нами?

– Я на службе.

Грузный администратор пожал плечами, недовольно хлопнул в ладоши, всем своим видом показывая, что предпочёл бы пойти с хакерами.

– Хорошо хоть эта электронная гадость станцию оставила в покое, а то был бы вам большой Пук, – продолжил он. – Ладно, спасатели, я и так уже с вами все запреты нарушил. Сегодня мне ещё комиссию принимать. Шагайте отсюда.

Глава седьмая В храме

Он теперь существует в двух ипостасях, в реальном монахе «колдуя» над бывшим крестьянским царем, а в виртуальном... О, коварство, нет тебе границ!

Боец шагнул.

«Во что сейчас превратились церковные компьютеры?» – подумал он, всматриваясь в окружающее виртуальную церковь пространство. Темные силуэты, то приближаясь, то исчезая из вида, копошились в тяжелом тумане. Услышав шум гигантских крыльев, он не обернулся. Ноги сами вынесли на ступеньки необычной церквушки. Тяжелая дубовая дверь за спиной беззвучно закрылась, отрезая от внешнего мира – от освещенной полянки, аккуратно подстриженной травы, рассеченной золотистой линией тропинки.

Тромб замер, рассматривая пустой зал с небольшим деревянным возвышением в середине. Что это? Внимание привлекла массивная книга, лежащая на дубовом алтаре: очень большая и очень старая. На мгновение ему показалось, что тяжелый фолиант дышит, вздымая в воздух сотни хрупких страниц.

«Хорошая работа!» – похвалил боец, ощущая притягательную силу древнего манускрипта. Не замечая ничего вокруг, он неторопливо двинулся к алтарю. Зашелестели бумажные листы, и древняя рукопись, издав тяжелый вздох, с шумом захлопнулась. Крупные, словно выжженные на толстой коже буквы выстроились в ряд, едва заметно покачиваясь.

«Евангелие от Михаила», – гласила надпись на обложке.

«Не было такого!» – решил Тромб, обращаясь к своим скромным познаниям в области религии. Не успел он это подумать, как шатающийся строй рухнул, буквы растаяли, чтобы через мгновение с громким смешком восстать, но уже в другом составе.

– Ха-ха-ха, – захихикала «Инструкция по эксплуатации. Здание культового назначения – Храм № 1».

Тромб раздраженно хлопнул по толстенной обложке, хотел было повернуть к выходу, но тут его внимание привлек знакомый голос, раздавшийся из небольшой кабинки, занавешенной плотной материей:

– Уж не думаешь ли ты, что все это создано таким несовершенным существом, как человек?

Боец бесшумно приблизился к исповедальне и, слегка отодвинув краешек тяжелой шторы, заглянул. Внутри, кроме маленькой деревянной скамейки, ничего не было. Она скромно жалась к стене.

– Это же нонсенс, – продолжил ироничный голос отца Михаила, и Тромб различил лучи света, проникающие сквозь небольшое окно, забранное мелкой сеткой.

«Все смешали, – подумал воин, устраиваясь на жесткой доске. – И католическая исповедальня тут, и... Впрочем, никто ведь не объявлял, что это православный храм».

Сквозь полупрозрачную решетку просматривалась небольшая комната с низким потолком. За круглым столом, словно на импровизированной сцене, сидел отец Михаил.

Напротив, вольготно развалившись в знакомой каталке, восседал... всё тот же отец Михаил. Присмотревшись, Тромб заметил у одного из собеседников не свойственную старцу манерность.

– Я не столь наивен, чтобы наделять человечество таким могуществом, – воскликнул кривляющийся священник. – Но поверить в Бога?!

Скрипнуло кресло, мелькнула ироничная улыбка.

– Батюшка, на основании чего люди решили, что человек под именем Иисус – Бог? – поинтересовался он, глядя в сторону замершего бойца, приподнял бровь и подмигнул.

– На основании свидетельских показаний, описаний очевидцев и учеников, – ответил старец.

Вирусapiенс приподнялся в своем кресле.

– А им можно верить?

– Тебя что-то смущает, сын мой?

– Люди так преподносят информацию, что никто не уверен в достоверности даже сегодняшних событий. А как верить тем очевидцам, которые жили тысячи лет назад – при том, что все свидетельства составлены через сотню лет после того, как они умерли? – Вирусapiенс недовольно покосился на священника. – И не называй меня сыном! Не ты создал меня.

– Прости, – прошептал отец Михаил, опуская голову. – Если говорить о Христе, то люди просто хотят верить в правдивость воскрешения Сына Божьего, тем самым оставляя шанс для себя ощущать свое «Я» после смерти, – терпеливо продолжил он.

Пытаясь выразить мысли так, чтобы собеседнику казалось, что он просто констатирует факты, святой отец подбирал невыразительные, неэмоциональные слова.

– Если бы Бога не было, то его нужно было бы придумать, ибо Он – есть сила, способная упорядочить жизнь людей, придать ей смысл, – заговорил старец теперь уже пылко.

Не в силах сдерживать эмоции, он выскочил из-за стола, заходил из угла в угол.

– Успокойтесь, святой отец. Я ведь не спорю. Мне безразлично, придумали вы себе кумира или ваш Бог дал вам веру, – прошептал Вирусapiенс. – Мне нужно знать лишь одно – кто создал меня? – едва слышно добавил он, становясь прозрачным. Вздрогнул и исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.